БИКЕЙ И МАУЛЯНА.

I.

КАРАВАНЪ.

«Идетъ! идетъ!» раздалось въ пестрой толпѣ, стоявшей отдѣльными купами, смотря по званію, сословію, знакомству или связямъ зрителей. «Караванъ идетъ!» И толпа многоязычная, многоглазая, разнообразная какъ самая молва, зашевелилась. Ребятишки, Татарчата, оборванные, полунагіе, но въ огромныхъ мохнатыхъ шапкахъ, обгоняли съ крикомъ другъ друга и давали почтительные круги около зрителей высшаго сословія, чинно выступавшихъ въ головѣ отряда; разнородная челядь тѣснилась вслѣдъ хотя тѣсниться было вовсе не для чего, — простора во всѣ четыре стороны довольно; но это общая людская слабость — толпиться въ кучу, пробираться туда, гдѣ гуще, въ середку. Тутъ шло нѣсколько чиновныхъ и должностныхъ, съ «фамиліею

и съ семействомъ», то есть, съ дѣтьми и женами; тутъ были торгаши, мыльные и сальные, въ долгополыхъ сюртукахъ и пестрыхъ шейныхъ платочкахъ; и приписные и бѣглые мѣщане, отбивающіе у долгополыхъ мѣновой торгъ съ Кайсаками, которымъ они отсыпаютъ нерѣдко, щедрою рукою, за барана нѣсколько помадныхъ банокъ, нюхательнаго табаку, да мѣрочку муки, пополамъ съ золою, извѣстью, пескомъ. Были и Татары, промышляющіе шубами и шкурами, такіе же проидохи какъ и тѣ; и нѣсколько человѣкъ такъ называемыхъ «конфетчиковъ», то есть, лавочниковъ, содержащихъ въ городѣ магазины. Оренбургскій гостиный дворъ есть огромное зданіе, болѣе похожее на тюремный замокъ или на монастырь: жители, кажется, доселѣ не вѣрятъ слухамъ о томъ, что это гостиный дворъ, и за покупками туда не ѣздятъ. Тутъ, въ толпѣ нашей, находились и Казаки, которыхъ впрочемъ можно было признать Казаками только по навыку, только по лампасамъ, сквозящимся въ диры стеганнаго халата,

подпоясаннаго полотенцемъ. Наконецъ тутъ похаживало и не–сколько темно–зеленыхъ сюртуковъ несолдатскаго сукна, съ презеленными выпушками, съ мѣдными на груди бляхами. Да гдѣ этой зелени нѣтъ! Стережетъ на Прутѣ и на Уралѣ, стережетъ на всѣхъ граняхъ имперіи рысьими глазами, и разгадываетъ по шапкѣ, что въ головѣ, по головѣ, что за пазухой. Это — цыфрованное письмо. Но эти порубежные аргусы не имѣютъ здѣсь случая изощрять свое шестое чувство, — смѣтливость, подобно своимъ собратіямъ, стоящимъ на стражѣ противъ утонченныхъ образованностью народовъ: мнѣ случилось однажды видѣть попытку Киргиза пронести овчинный тулупъ безъ пошлины: онъ просто накинулъ его, середи знойнаго лѣта, на плеча, поверхъ двухъ халатовъ, заложенныхъ полами въ кожаные шаравары, и увѣрялъ, что онъ всегда такъ ходитъ. Въ толпѣ, о которой я говорю, новаго зрителя поражаетъ странность нарядовъ, а слушателя общее употребленіе Татарскаго языка. Тутъ видите вы многополосные халаты, желтые и красные

кожаны, сшитые шерстью вверхъ кониныя дахи и ярчаки; тутъ шапки невиданнаго покроя и кожаные шаровары и армяки; но все это обношено, изодрано такъ, что придаетъ цѣлому видъ махровый. Верхъ безобразія представляютъ собою жалкіе человѣко–твари, *байгуши,* Киргизскіе нищіе: эти степные дикари нищенствуютъ цѣлыми родами или поколѣніями, и гибнутъ голодомъ и стужей безъ всякой надежды на помощь. Ихъ земляки въ этомъ отношеніи безжалостны, неумолимы. Полинѣйные Кайсаки вообще такъ бѣдны, что на двадцать тысячъ кибитокъ, зимующихъ отъ Гурьева до Звѣриноголовска на протяженіи тысячи восьми сотъ пятидесяти верстъ, считаютъ на кибитку по пяти душъ обоего пола, и только по семи головъ рогатаго скота, по пяти лошадей, по одному верблюду, по сотнѣ барановъ; но въ томъ числѣ есть богачи, у которыхъ — десятки тысячъ овецъ и коней, и голыши, у которыхъ на цѣлое семейство — одна дойная коза и болѣе доходовъ рѣшительно ни какихъ. На эту козу цѣлое семейство

вьючитъ все свое имущество, питаясь ея молокомъ, черезъ день и два, по–очередно. Это не сказка, а быль.

Толпа стояла на лѣвомъ, Азіатскомъ, берегу Урала, неподалеку отъ Оренбургскаго мѣноваго двора, подалась нѣсколько шаговъ впередъ при восклицаніи — «Караванъ идетъ!», и обратила свое вниманіе на стелящееся по степи облако пыли. Въ тылу у зрителей былъ каменный мѣновой дворъ, — четыреугольникъ, котораго стѣны имѣютъ безконечное протяженіе и готовы заключить въ себѣ всѣхъ верблюдовъ Средней Азіи, между–тѣмъ какъ дѣло всё не ладится и не клеится. За мѣновымъ дворомъ, верстахъ въ двухъ, на томъ же лѣвомъ, пологомъ, берегу Урала, зеленѣлась рощица, одна–одинёхонька въ обширной степи. На противуположномъ берегу, крутомъ, Европейскомъ, высилось нѣсколько каменныхъ зданій, — разрушающійся губернаторскій домъ, соборъ, а повыше, въ форштатѣ, церковь Георгіевская, знаменитая тѣмъ, что

Пугачевъ, во время приступа къ Оренбургу, употребилъ ея колокольню вмѣсто барбета. Онъ встащилъ на нее пушку, изъ которой стрѣлялъ, за неимѣніемъ снарядовъ, пятаками. Это обстоятельство, сказываютъ, хорошо помнитъ одинъ почтенный старецъ, котораго строгій, тогдашняго вѣку, отецъ высѣкъ, чтобы восьми–лѣтній ребенокъ, бѣгавшій безъ спросу собирать пятаки, помнилъ Пугачева. Такъ вотъ, что было въ тылу зрителей: но что же было передъ ними, тамъ, куда обращены ихъ мысли, взоры и шаги? Я недавно услалъ къ своимъ видъ Зауральской природы, снятый неискусною, но услужливою рукою, съ вышки Оренбургскаго мѣноваго двора, или, пожалуй, съ крыльца бывшаго губернаторскаго дома, — все–равно; видомъ этимъ я служить не могу, потому, что его услалъ, но, если угодно сдѣлать съ него снимокъ безъ подлинника, возьмите карандашъ, положите передъ собою большой листъ бумаги или склеите ихъ нѣсколько десятковъ вмѣстѣ, начните карандашемъ съ одного конца и ведите

прямо, всё прямо, до другаго края бумаги, а потомъ подпишите, выше черты — Небо, а ниже — Земля; и я, не видавши вашего художническаго произведенія, скрѣплю — «съ подлиннымъ вѣрно»; приложу и руку и печать или, пожалуй, тамгу, которая здѣсь, у насъ, замѣняетъ крестъ Русскаго безграмотнаго мужика, и къ которой мусульмане оказываютъ большое уваженіе, увѣряя, что самъ Чингизъ роздалъ во всѣ роды и племена эти рукоприкладные знаки. Такъ, вы познакомились съ видомъ Зауральской степи; справедливость требуетъ однако жъ сказать, что степь представляетъ такой печальный видъ только отъ Оренбурга до самаго взморья: Оренбургъ, по увѣренію книжниковъ, есть точка, стоящая въ уровень съ океаномъ, и тутъ степь наша сама принимаетъ видъ сухаго моря. Выше — мѣста разнообразнѣе, частію гористы и лѣсисты; но бѣдный Оренбургъ, перенесенный съ мѣста на мѣсто до трехъ разъ, не миновалъ своей судьбы: онъ наконецъ таки расположился въ безлѣсной и голой пустынѣ.

Отдаленная пыль, ложащаяся клубомъ подъ вѣтеръ, постепенно приближалась къ зрителямъ; изъ ровной, необозримой степи, возникали движущіяся громады, и, обманывая зрѣніе, казались не верблюдами, а огромными слонами. «Марево», обыкновенное состояніе нижнихъ слоевъ воздуха въ жаркіе лѣтніе дни, которое показываетъ все отдаленное въ превратномъ и безобразномъ видѣ и такъ часто обманываетъ насъ призракомъ воды, — марево и теперь превращало лошадей въ верблюдовъ, а верблюдовъ въ слоновъ.

Это, какъ я упомянулъ, — обыкновенное явленіе, въ знойные, ясные дни: въ темную весеннюю или осеннюю ночь, обширный кругъ дневнаго зрѣнія, сливающійся съ отдаленнымъ небосклономъ, представляетъ здѣсь иное зрѣлище: васъ окружаетъ далекое, великолѣпное зарево; огненная полоса замыкаетъ предѣлы зрѣнія и ослѣпляетъ очи; не мудрено, зазѣвавшись, оступиться въ это время съ Оренбургскаго вала, съ котораго наше романтическое

общество нерѣдко наслаждается этимъ зрѣлищемъ; оступиться, и полетѣть въ глубокій ровъ. Причиною зарева степные «палы», пожары: весною и осенью зажигаютъ старую траву, «пускаютъ палъ»; земля удобряется золою, и зеленая травка пробивается скорѣе и гуще. Иначе старая трава, особенно ковылъ, образуетъ толстую, непроницаемую кошму, и молодая трава не можетъ расти. Тамъ, гдѣ есть возможность выкашивать старую траву, паловъ не нужно. И здѣсь они дѣлаютъ столько же зла какъ добра; они истребляютъ звѣря и птицу, которыя водятся весною, и, что еще хуже, уничтожаютъ лѣса. Палы причиною тому, что въ степи одни только жалкіе остатки лѣсовъ доказываютъ ихъ прежнее существованіе.

Но я опять уже покинулъ свой предметъ и замололъ другое. Воротимся къ каравану.

Нѣсколько вершниковъ, ѣздившихъ встрѣчать караванъ, по дѣлу или отъ бездѣлья, мчались по гладкой дорогѣ, на которой бы и лучшій уровень остался безъ

дѣла, и наѣздничали вокругъ спѣшившихся изъ каретъ и колясокъ зрителей. Кареты и коляски, воскликнете вы, въ Киргизской степи? Да, господа! такъ дѣло было; я этому не виноватъ; но, повторяю, такъ было и такъ есть понынѣ. Оренбургъ, въ которомъ съ каждаго перекрестка во всѣ четыре стороны видѣнъ крѣпостный валъ, вмѣщаетъ въ себѣ почти столько же рыдвановъ и колымагъ, сколько числится въ городѣ малыхъ и большихъ домовъ. Куда на нихъ ѣздятъ? спросите вы. Да мало ли куда! То за уголъ, то за другой: визитъ, дамскій визитъ, сами знаете, дѣло великое, — а съ визитомъ не ходить же пѣшкомъ, да и не ѣздить же, упаси Боже и помилуй, на дрожкахъ! Ей, ей, иногда бѣдному вершнику, — *фалетру,* по-вашему, — некуда дѣваться, такъ колымага напираетъ, такъ крутъ поворотъ отъ воротъ до воротъ. Нужды нѣтъ: пошелъ четверкою! Но зато, — браниться бранись, а на миръ слово покидай, — зато Оренбургскій «карандасъ», повозка на долгихъ, зыбкихъ дрогахъ, есть самый

удобный и выгодный снарядъ для ѣзды въ полѣ и въ дорогѣ; ломки мало, и опрокинуть его почти вовсе нельзя. На Башкирскихъ и Казачьихъ лошадяхъ, съ лыковою упряжью, по небитымъ дорогамъ и съ неучами лошадьми и кучерами, ѣздить въ колясках, и даже бричкахъ, рѣшительно невозможно.

Но я опять заговорился, а караванъ уже тянется канителью мимо зрителей: верблюды рычатъ, медленно поворачиваютъ долговязыя шеи въ сторону, и разглядываютъ чуждаго для нихъ покрою людей; и только шерстяной или волосяной арканъ, продѣтый въ носовой хрящъ и привязанный за хвостъ предшествующаго верблюда, напоминаетъ мечтателю, что при такомъ снарядѣ задумываться не выгодно: приклонивъ и протянувъ журавлиную шею, онъ дѣлаетъ два три перемета рысью, и потомъ опять продолжаетъ плавный, шаткій и валкій шагъ, и огромные тюки, висящіе въ высокихъ, туго набитыхъ, мѣшкахъ по обѣ стороны вьючнаго сѣдла, постоянно качаются большими разводами взадъ и

впередъ. Такъ тянутся они, верблюдъ за верблюдомъ, на нѣсколько верстъ: легко расчесть, что, походнымъ строемъ, гуськомъ, пойдетъ ихъ на версту не съ большимъ сотня. Верблюды каждаго возчика Киргиза составляютъ небольшое особое отдѣленіе; хозяинъ разъѣзжаетъ съ боку на конѣ, а иногда сидитъ, какъ и работники его, пополамъ съ кладью на верблюдахъ, назначенныхъ подъ собственный скарбъ, дрова и продовольствіе; каждый шагъ этого подвижнаго магазина, который нагружается двумя батманами, или шестнадцатью пудами, товару, раскачиваетъ и кидаетъ сѣдока отъ горба до горба. Незавидная ѣзда: килевую качку эту можетъ переносить равнодушно только привычный морякъ; изъ насъ она не только укачаетъ любова, но, чего добраго, выломитъ у инаго изъ крестца поясницу. Чалмоносные хозяева товаровъ возсѣдаютъ обыкновенно, подобравъ ноги, въ люлькахъ, койкахъ или клѣткахъ, подвѣшенныхъ по обѣ стороны верблюда; мохнатый возчикъ, въ *ярг акпъ*, въ

мѣховой огромной шапкѣ, на верблюдѣ, между страннообразной клади своей, походитъ на лѣшаго или домоваго съ того свѣта. И проходя мимо васъ, онъ, кажется, отвѣшиваетъ на каждомъ шагу верблюда по нижайшему поклону. Не безпокойтесь, не откланивайтесь; онъ это дѣлаетъ не–хотя и по–неволѣ. По обѣ стороны поѣзда тянется рѣденькое прикрытіе, отрядецъ Казаковъ, встрѣтившихъ караванъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Линіи; но въ головѣ каравана, на первомъ верблюдѣ, виситъ въ люлькѣ *карванъ–баши*, «караванный голова»: это — важнѣйшее и главное лице цѣлаго явленія; онъ одинъ отвѣчаетъ за успѣхъ и неудачу избраннаго степнаго пути, который онъ пролагаетъ вновь при каждомъ походѣ; онъ дѣлаетъ привалъ, роздыхъ, дневку, назначаетъ подъемъ, принимаетъ мѣры противъ грабежа, которыя состоятъ, при неизъяснимой безпечности этихъ народовъ, большею частію въ томъ, чтобы избирать менѣе извѣстные пути, не проходить черезъ враждебный родъ, въ крайности откупаться отъ хищниковъ, но

никогда почти не защищаться, хотя всѣ съ ногъ до головы вооружены. Голова беретъ и перемѣняетъ, гдѣ нужно, вожаковъ, *юлъ–баши;* словомъ, весь караванъ у него въ безусловномъ повиновенiи. У воротъ мѣноваго двора, верблюдъ его припадаетъ на колѣни, *карванъ–баши* слѣзаетъ, и, подошедши къ стоящимъ здѣсь чиновникамъ, здоровается съ каждымъ по–Азiатски, принимая руку его въ обѣ свои ладони и кланяясь. Съ близкими, старыми знакомцами здоровается онъ взявшись за обѣ руки и прижимая, взаимно и по очередно, руку друга къ своему сердцу.

Наконецъ караванъ вступаетъ въ мѣновой дворъ. Верблюды идутъ въ проходной «складный сарай», по–Русски *пакгаузъ*. По слову — *чокъ!,* они припадаютъ, арканы развязываются, и огромные тюки и мѣшки сваливаются въ кучу. Глядя на эти груды, на цѣлую гору товаровъ, которые доставлены изъ отдаленнаго края, изъ Хивы, Бухары, Китайскаго Туркистана, доставлены съ трудомъ и усилiемъ, даже съ опасностью,

вы захотите узнать, какая это кладь, что за товары. Кашемирскія ли шали, которымъ нѣтъ цѣны? Восточные ли ковры, издѣліе, въ которомъ шелкъ поддѣланъ шерстью? Драгоцѣнные ли каменья, алмазы, яхонты, бирюза? По–крайней–мѣрѣ *юнчугъ,* то есть, жемчугъ? Однимъ словомъ, хоть что–нибудь подобное тому, что мы привыкли называть Восточными товарами, что вывозятъ другіе народы изъ Азіи? Ничего не бывало: это, стыдъ сказать а грѣхъ утаить.... но загляните на Оренбургскій мѣновой дворъ, и вы увидѣте сами; это хламъ и дрязгъ, почти такой же какъ вы видите на «возчикахъ», конвойныхъ, на байгушахъ; это стеганые, бумажные халаты, на которыхъ подбой и покрышка состоятъ изъ *бязи,* — толстой и самой простой выбойки: халаты эти составляютъ не прихоть, не щегольство здѣшнихъ жителей; вся Линія, всѣ народы и сословія, носятъ каждодневно эти халаты, какъ Русскій мужикъ свою сѣрмягу. Далѣе, это войлоки, по–здѣшнему «кошмы», толстыя бязи, бумажныя одѣяла, самыя грубыя ткани и

издѣлія, которыя, кажется, не стоятъ перевозки на сто верстъ, не только черезъ все пространство степей Турана. Нѣсколько мѣшковъ урюку, ай–бокары, фисташекъ, манны, вяленыхъ полосокъ, дынь въ плетежкахъ, или вѣнкахъ, — что все извѣстно подъ общимъ именемъ *кунакъ–ашъ*, «гостинца для пріятелей», и все перегажено шерстью, пылью и всякою нечистью; а наконецъ, нѣсколько хлопчатой и пряденой бумаги, и вотъ все. И по всей Оренбургской Линіи то же; и вотъ въ чемъ состоитъ весь торгъ нашъ съ Среднею Азіей.

Замѣтимъ еще, что Русскіе вовсе не ходятъ съ караванами въ Среднюю Азію: торговля эта принадлежитъ исключительно безтолковымъ, безрасчетливымъ и безмѣрно корыстолюбивымъ мусульманамъ. Русской изворотливъ, смѣтливъ, предпріимчивъ, и переимчивъ у себя дома; но караванная и морская торговля — не его рука. На Каспійскомъ Морѣ нѣтъ ни одного Русскаго торговаго судна; всѣ суда, за исключеніемъ

рыбопромышленныхъ, принадлежатъ Персіянамъ, Армянамъ, но не Русскимъ. По всей Оренбургской Линіи нѣтъ важнаго торговаго дома: есть такъ называемые богатые купцы, но они дѣйствуютъ какъ прасолы базарные, какъ торговки. Такъ называемые «купцы» здѣшніе берутся за мѣну и торговлю тогда только, если надѣятся выручить по пяти рублей на полтину или около того: они даютъ Киргизу зимою хлѣба или товаровъ на двадцать рублей, засчитываютъ ему это за сто, обязуютъ поставить весною за это сотню ягнятъ, поручаютъ ихъ для прокормленія, для паствы, ему же, принимаютъ осенью въ условленномъ мѣстѣ Линіи сотню жирныхъ барановъ, отдаютъ ихъ въ стрижку даромъ «изъ шерсти», гонятъ на Волгу, бьютъ на сало, и выручаютъ отъ двѣнадцати до пятнадцати рублей съ барана, а мясо и шкура опять не входитъ въ счетъ. Это образчикъ мѣноваго торгу съ Кайсаками, и не лучше этого живетъ караванная торговля. Но возвратимся къ предмету.

Караванъ пришелъ. Нѣкоторые Бухарцы отправились въ городъ, къ общему пріятелю своему, титулярному совѣтнику Ходжи Назаръ–баю; большая часть ихъ осталась на мѣновомъ дворѣ. Въ это время, у воротъ мѣноваго двора, на степной сторонѣ, произошелъ шумъ: два конные Киргиза довольно жарко спорили между собой; одинъ былъ одѣтъ чище и лучше доселѣ видѣнныхъ нами; вмѣсто рубахи, былъ на немъ, какъ водится, легкій бумажный халатъ, шаравары малиноваго бархату съ золотымъ шитьемъ, зеленые сапоги изъ ослиной чешуйчатой кожи, съ окованными серебромъ закаблучьями, со вздернутыми носками и даже съ кожаными хвостиками, вставленными въ концы носковъ, или «косичками»; сверхъ халата — синій бархатный чекмень халатнаго покроя, съ косымъ воротомъ, обшитымъ узенькими галунами; кожаный тисненый поясъ, съ привѣшеннымъ той же работы карманомъ и съ ножемъ. Огнива, необходимой принадлежности Калмыцкаго пояса, Кайсаки обыкновенно не носятъ, потому

что трубокъ не курятъ, какъ и вообще здѣшніе мусульмане, которые, въ этомъ отношеніи составляютъ родъ раскола отъ Турковъ: курить, какъ они увѣряютъ, запрещается у нихъ закономъ. Вотъ почему послѣднее посольство наше въ Бухарію не совсѣмъ удачно избрало подарки свои для хана: хрустальные кальяны не могли быть имъ приняты охотно и радушно, потому что онъ, какъ богомольный человѣкъ, не хотѣлъ подать такого соблазна народу. Въ цѣломъ Туранѣ сѣкутъ на базарѣ за трубку, хотя много курятъ украдкою.

На бритой головѣ этого молодца была небольшая, остроконечная какъ воронка, *тюбетея*, опушенная выдрою, а сверхъ тюбетеи, бархатная, алая, высокая шапка, *калпакъ*, съ позументами по швамъ, съ полями, распоротыми съ двухъ концевъ и загнутыми въ четыре хвостика кверху; кромѣ того онъ былъ въ полномъ вооруженіи, — копье трехгранное съ насѣчкою, на украшенномъ цвѣтной рѣзьбою, длинномъ копеищѣ; за плечами ружье, котораго оправленные въ сайгачьи

рога рожки выказывались изъ за лѣваго плеча; за поясомъ пистолетъ въ оправѣ; на поясѣ чеканъ, *ай–балта*, родъ топора на длинномъ топорищѣ. Такое полное вооруженіе на Кайсакѣ весьма замѣчательно, тѣмъ болѣе, что пріѣзжающіе къ мѣновому двору должны уже миновать Новоилецкую или Бердяно–Куралинскую Линіи, гдѣ оружіе отбирается. Но какъ онъ находился при караванѣ, гдѣ и возчики и купцы всегда бываютъ болѣе или менѣе вооружены, то и при немъ также оставили вооруженіе. Не менѣе достойна примѣчанія и исправность оружія нашего пріятеля: обыкновенно, на сотню вооруженныхъ Киргизовъ, едва придется по нѣскольку самопаловъ, ружей безъ замковъ, съ фитилями, а прочіе всѣ бываютъ снабжены плохими копьями да чеканами. Порядочное ружье или пистолетъ доставляетъ хозяину уваженіе цѣлаго аула. Луковъ и стрѣлъ сами Киргизы не дѣлаютъ; они достаютъ ихъ иногда у Башкировъ или изъ Бухаріи. Сабли носятъ только почетные. Со временъ незапамятныхъ

хранится кой–у–кого кольчуга, налокотники и шлемъ; и это уже даетъ ихъ хозяину полное право называться «богатыремъ». Я прошу читателей замѣтить стоящаго передъ нами всадника: мы съ нимъ еще не разъ и не два столкнемся. Это Бикей, сынъ Исянгильдія, глава Киргизскаго прикрытія, которое, состоя изъ Танинцевъ, охраняло караванъ отъ грабежей родовъ Чумекей и Джагалбай. По дружбѣ съ карванъ–баши, который былъ, какъ обыкновенно, Чиклинецъ, Бикей проводилъ его вплоть до мѣноваго двора, хотя дружина его разбрелась уже за переходъ, въ степи.

Бикей Исянгильдіевъ былъ старшина отдѣленія Гасанъ, роду Тана. Отецъ его, Исянгильди Янмурзинъ, съ почетнымъ прозваніемъ *акъ–сакалъ,* «бѣлая борода», былъ богатѣйшій изъ Оренбургскихъ Киргизовъ и управлялъ уже слишкомъ сорокъ лѣтъ Танинцами, именно отдѣленіемъ Гасанъ, которое было извѣстно своимъ спокойствіемъ и благосостояніемъ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ, отдѣлившись

отъ своихъ земляковъ, составляющихъ большую часть внутренней, Букеевской Орды, перекочевало снова за Уралъ, гдѣ оно постоянно занимаетъ часть лѣваго берега противъ нѣкоторыхъ форпостовъ Нижнеуральской Линіи. Миролюбивый Исянгильди умѣлъ избѣгать гибельной баранты, которая не обогатила ни одного рода Киргизскаго и обратила цѣлые аулы въ *байгушей,* въ нищихъ; онъ всегда старался держаться кочевьемъ своимъ по близости Линіи, не сообщался съ неблагонамѣренными, отдаленными родами, и нерѣдко прекращалъ благоразуміемъ случайныя ссоры своихъ однородцевъ съ сосѣдями, задобривая ихъ обоюдно небольшими подарками изъ собственныхъ стадъ и табуновъ. Впрочемъ, Исянгильдію не мудрено было быть и тороватымъ; у него, какъ вѣдомо тѣмъ, которые были знакомы въ то время со степью, — у него было болѣе десяти тысячъ однихъ лошадей, не считая овецъ, верблюдовъ и рогатаго скота. Нѣкоторые увѣряютъ, что это преувеличено; что у Исянгильдія не было

болѣе восьми тысячъ коней, другіе, что было двѣнадцать. Грѣхъ пополамъ: помиримся на срединѣ, и этого, кажется, будетъ довольно.

Но отецъ не ладилъ съ сыномъ: благоразумный, почтенный, чужими и своими уважаемый Исянгильди Аксакалъ неладилъ съ младшимъ сыномъ своимъ, умнымъ, бойкимъ, славнымъ молодечествомъ и добротою души, Бикеемъ. И отъ чего бы это? Такъ нерѣдко бываетъ на свѣтѣ, други; подите и разберите ихъ, кто правъ, кто виноватъ, — или дайте мнѣ досказать, и судите сами. Скажу только, что Бикея уже нѣтъ; а девяносто–лѣтній Исянгильди нерѣдко и понынѣ качаетъ головой и нашептываетъ *Ля иляхе ильаллахъ* поминая сына, который нѣкогда, въ юности своей, былъ его любимцемъ.

Султанъ Кусябъ–Галіевъ, старшина одной изъ дистанцій понизовыхъ Кайсаковъ, принадлежащихъ западной части орды султана–правителя Бай–Мухаммеда Айчувакова, — Кусябъ–Галіевъ

сидитъ теперь у меня, и, между–тѣмъ, какъ онъ, протягивая руку къ разставленной передъ нимъ на тарелочкахъ закускѣ, спрашиваетъ за каждымъ кусочкомъ у общаго нашего пріятеля, муллы, — *халяль*?, или *харамъ*?, «позволительно» ли, или «непозволительно» по закону, и мой мулла не позволяетъ ему ѣсть ни копченаго медвѣдя, ни заячьихъ полотковъ, не позволяетъ также носить шелковой рубахи, увѣряя что это прямо и ясно запрещено Кораномъ, между–тѣмъ, говорю, хочу пересказать вамъ то, что султанъ Кусябъ мнѣ говорилъ о причинѣ глубокой вражды отца съ сыномъ; а Султанъ–Кусябъ женатъ на родной сестрѣ Бикея, на дочери Исянгильдія, — слѣдовательно дѣло ему извѣстно.

Старикъ Исянгильди имѣлъ трехъ женъ, и отъ каждой жены по нѣскольку дѣтей. Онъ просваталъ одну изъ дочерей отъ перваго брака за Кайсака Байбактынскаго рода, отдѣленія Игусагатъ, но она умерла еще невѣстою, и женихъ потребовалъ возврата калыма. Обычай велитъ

возвращать жениху калымъ, по смерти невѣсты, въ томъ только случаѣ, если она умерла малолѣтною, или, вообще, если женихъ не навѣщалъ еще ея въ аулѣ отцовскомъ; въ противномъ случаѣ лишается онъ калыма или той части его, которую уже внесъ. Надобно полагать, что нарѣченный зять Исянгильдія былъ въ правѣ требовать возврата калыма, потому что мать умершей, не имѣя другой родной дочери въ наличности и не желая выдавать однажды пріобрѣтеннаго, уломала старика Исянгильдія отдать Байбактынцу, взачетъ умершей, одну изъ дочерей втораго брака, такъ сказать падчерицу свою; второй жены Исянгильдія въ то время уже не было въ живыхъ. Несправедливое дѣло это состоялось, и изъ этого мы видимъ, что, какъ говорится, и правда живетъ часомъ кривдою, и что жены вездѣ и всегда, — не впримѣръ будь сказано, — изъ мужей своихъ подъ старость веревки вьютъ: старикъ Исянгильди, слывшій мудрымъ и справедливымъ, когда судилъ и рядилъ, чужую расправу, въ собственномъ своемъ

дѣлѣ погрѣшилъ и покривилъ, а потомъ уже не хотѣлъ сознаться и исправить бѣды. Такъ отдали птенца изъ втораго гнѣзда, а калымъ за нее остался въ первомъ: вотъ начальная причина всѣхъ бѣдъ. Бикей выросъ, возмужалъ, и считая себя заступникомъ и опекуномъ одногнѣздковъ своихъ, лишившихся родной матери, сталъ требовать ихъ достоянія. «Вы продали сестру мою, говорилъ онъ, не какъ невѣсту, но какъ *кулъ–кызъ* или *джясыръ*, какъ рабыню; вы не взяли почетнаго калыма, для пріобщенія его къ достоянію ея семейства, то есть, втораго гнѣзда или брака; вы отдали ее, какъ отдаютъ *кяфыра*, невѣрнаго, за сотню барановъ, а верблюда за полтора десятка, и раздѣлили добычу утайкою между собою какъ тати: или подайте намъ весь калымъ сестры моей, или отдайте одну изъ двухъ дѣвокъ, дочерей перваго брака, которыя теперь подросли, и мы найдемъ ей жениха, отдадимъ ее за калымъ и будемъ квиты.» Отецъ отвѣчалъ на это угрозами, — старикъ привыкъ къ покорности и повиновенію, мачиха

натравливала его на Бикея, а двое старшихъ сыновей ея, взрослыхъ, возмужалыхъ и ожидавшихъ со дня на день выдѣлки, приняли, какъ само собой разумѣется, сторону отца.

Если знать коротко бытъ степныхъ Кайсаковъ, если войти въ ихъ обычаи и понятія, можно и должно оправдать Бикея. Тамъ, гдѣ многоженство бываетъ причиною всегдашнихъ семейныхъ расколовъ, гдѣ временная владычица надъ волею, умомъ и сердцемъ господина своего, пользуется властію своею всегда къ накладу прочихъ, — тамъ птенцы одного гнѣздышка прижимаются ближе другъ къ другу и заключаютъ противъ прочихъ оборонительный и наступательный союзъ; съ дѣтства уже привыкаютъ они видѣть въ матери родной заступницу, а въ другихъ женахъ отцовскихъ клеветницъ и безжалостныхъ притѣснительницъ; въ отцѣ, неумолимаго, безразсуднаго карателя, отъ грозной руки котораго уклониться можно только обманомъ, новою клеветою и доносомъ или, возмужавъ, открытою

силою. Такъ бываетъ до поры: но никогда возмужалый мусульманинъ не чтитъ даже родной матери своей, и не считаетъ обязанностью ей повиноваться; онъ видитъ въ ней ту же рабыню, то же жалкое существо, созданное для нуждъ и прихотей мужа, которое видитъ и во всѣхъ другихъ женщинахъ: какими же глазами долженъ онъ смотрѣть на прочихъ женъ отцовскихъ, на сожительницъ его, которыя живутъ и промышляютъ одними только кознями, сплетнями, къ накладу цѣлаго семейства? Здѣсь наше мѣрило нравственности не прилагаемо, не примѣняемо; закоснѣлое невѣжество и тупое изувѣрство требуютъ инаго изученія и приложенія. А отдать дѣвку замужъ безъ калыма, кромѣ утраты черезъ это законнаго достоянія, почитается еще величайшимъ безчестіемъ. Вотъ какъ надобно смотрѣть на дѣйствія Бикея и вообще на цѣлое происшествіе. Многоженство мусульманъ всегда бываетъ поводомъ къ раздорамъ семейнымъ, которые можетъ переносить равнодушно только закаленная въ мусульманствѣ душа.

Въ Оренбургскомъ краю есть много семей Татаръ, Башкировъ и Тептярей, въ которыхъ благоразумные дѣды и прадѣды, испытавъ горе это на себѣ, священнымъ заклятіемъ на смертномъ одрѣ постановили, чтобы потомки ихъ довольствовались одною только супругою; и обычай этотъ соблюдается. Всѣ соглашаются въ томъ безпрекословно, что это лучше; но соблазнъ великъ, и люди, какъ всегда и всюду, говорятъ одно, а дѣлаютъ другое.

Бикей, перебраниваясь съ двумя всадниками неподалеку отъ мѣноваго двора, повернулъ коня круто отъ двухъ братьевъ своихъ, которые, лишь–только узнали, что онъ провожалъ изъ глубины степи караванъ Хивинскій, пріѣхали тунеядцами требовать отъ него дѣлежа честно пріобрѣтенной имъ платы; повернулъ, и отвѣчалъ на угрозы ихъ, чтобы они донесли отцу о причинѣ самовольной отлучки его въ степь: что онъ еще въ зыбкѣ лежа потянулся и разломалъ ее, а нынче уже и самъ собирается строить колыбель будущему сыну своему.

Надобно знать, что у Киргизовъ всякій мужъ долженъ припасать самъ дѣтскую зыбку вновь для каждаго новорожденнаго своего. Люлька эта выгнута изъ прутьевъ, походитъ на небольшую кукольную койку и, между прочимъ, въ случаѣ смерти младенца, опрокидывается на могилѣ его, и остается тамъ на всегда. «Дѣлать зыбку» значитъ — быть независимымъ, имѣть жену и хозяйство.

Если хотите, можемъ, на обратномъ пути отъ каравана, дать кругъ по мѣновому двору, гдѣ сосредоточивается торговля и промышленость двухъ частей свѣта. Подъ навѣсы безконечнаго протяженія, въ каменныя лавки съ окованными дверьми и желѣзными запорами, не заглядывайте: тамъ, кромѣ замковъ на запорахъ не увидите ничего. Все мертво и пусто. Только по двору толпятся тутъ и тамъ верблюды; нѣсколько барановъ ожидаютъ, на привязи, смиренно участи своей; торгаши расхаживаютъ между ними, ощупывая курдюки, и съ крикомъ, съ шумомъ, съ клятвами, божбою и ругательствомъ, почти

насильно, отнимаютъ и вымѣниваютъ барановъ этихъ у нерѣшительныхъ продавцевъ, которые, кажется, только этимъ способомъ умѣютъ сбыть товаръ; кой–гдѣ сидитъ, на голой землѣ или на рогожѣ, торговка, судя по лицу, какое–то среднее отродіе между Русскимъ, Турецкимъ, Чудскимъ и Монгольскимъ племенами; сидитъ, обвѣшиваетъ и обмѣриваетъ Кайсаковъ на товарахъ, составляющихъ запасъ ея подвижной мелочной лавки. Загляните въ этотъ коробъ, или сколоченный кожаными наугольниками ларецъ, изъ котораго она выбираетъ и навязываетъ мохнатому покупателю квасцы, гвоздику и кусочки купоросу, осторожно отряхивая съ нихъ въ бумажку разсыпанный по всему ларцу табакъ; взгляните на перепутанные мотки, клубки и узлы сѣрыхъ нитокъ и алаго шелку, на завернутыя въ оторванномъ клочкѣ бумажки ржавыя, толстыя иглы, шилья и гвозди, на деревянныя ложки, на дружественный союзъ разнороднаго скарбу этого, присыпаннаго, думаю, для

единообразія, табакомъ, мукою и пылью, — и это дастъ вамъ надлежащее понятіе о торговыхъ сношеніяхъ Европы и Азіи на точкѣ взаимнаго ихъ соприкосновенія.

=

II.

НАШИ СОСѢДИ.

=

Въ архивѣ канцеляріи Оренбургскаго военнаго губернатора хранится, при одномъ дѣлѣ бумага, на поляхъ которой помѣчено, собственною рукою тогдашняго военнаго губернатора: «Написать о семъ обстоятельствѣ въ Азіатскій Департаментъ и упомянуть, что по симъ и другимъ свѣденіямъ въ Хивѣ должно находиться до трехъ тысячъ человѣкъ Русскихъ плѣнниковъ. Сдѣлать выписки изъ подписей, и извѣстить объ участи сихъ несчастныхъ въ тѣ мѣста, отколѣ они показываютъ себя происхожденіемъ. Передъ выходомъ каравана, изготовить отвѣтъ на письмо сіе, въ видѣ объявленія

безъ подписи, коимъ увѣрить плѣнниковъ нашихъ, что Правительство печется объ ихъ освобожденіи; послать, по просьбѣ ихъ, тѣльные кресты и Евангеліе, для подкрѣпленія вѣры и надежды страдальцевъ. Доставившему письмо сіе, сыну старшины Танинскаго роду, Гасановскаго отдѣленія, Исянгильдія, старшинѣ Бикею, выдать изъ суммъ на сей предметъ имѣющихся, сто рублей и пять аршинъ алаго сукна на чекмень.»

Читатели видятъ, о чемъ идетъ рѣчь: Бикей Исянгильдіевъ доставилъ, переданное ему черезъ вѣрнаго Кайсака изъ числа кочующихъ за рѣкою Сыръ (Сыръ–дарья), письмо, отъ Русскихъ плѣнниковъ изъ Хивы; убѣдительныя жалобы и просьбы, изложенныя полуграмотнымъ языкомъ, трогаютъ и сокрушаютъ читателя, проживающаго въ холѣ и довольствѣ, и заставляютъ призадуматься надъ тѣмъ, что мы называемъ обыкновенно судьбою человѣка. Письмо писано на вылощенной Русской бумагѣ приготовленною на клею сажею,

вмѣсто чернилъ; свернуто трубкою, измято во множество переломовъ, зашито въ вѣтошку и во многихъ мѣстахъ протерто, такъ, что многихъ словъ даже нельзя было и разобрать.

Писатели извинялись невѣдѣніемъ приказнаго порядка какъ писать просьбы къ сановникамъ; говорили, что не только не могли они довѣдаться объ имени и отчествѣ военнаго губернатора, и вообще о томъ, кто нынѣ представитель главнаго пограничнаго начальства и недавно только узнали, отъ новыхъ плѣнниковъ Русскихъ, захваченныхъ на рыбномъ промыслѣ Эмбенскаго участка Каспійскаго Моря, что въ землѣ Русской воцарился новый Государь; приносили благодарность за доставленіе имъ съ прошлогоднимъ караваномъ двухъ сотъ серебряныхъ крестовъ и пяти Евангелій, и молили о присылкѣ еще до тысячи хоть–бы мѣдныхъ крестовъ, и нѣсколькихъ священныхъ книгъ, — Евангелія, Четіи–Минеи и Требника; горько оплакивали свое рабство, въ которомъ, нагіе и босые, холодные и

голодные, маялись они въ тяжкой земляной работѣ, подвергаясь непрестаннымъ побоямъ, единственно, чтобы помнили о рабствѣ и не имѣли ни силъ ни досугу помышлять о чемъ–либо иномъ; сказывали, что въ Хивинскомъ *юртѣ* (ханствѣ, владѣніи) бываетъ по одному разу въ годъ, послѣ рамазана, праздникъ называемый *кулъ–байрамъ,* пиръ рабовъ, на который всѣ безъ исключенія невольники имѣютъ право приходить гулять на свои собственныя деньги и на пожертвованные жителями припасы: при этомъ случаѣ сочтено, что однихъ Русскихъ плѣнниковъ, не считая Персіянъ и другихъ иновѣрцевъ, находится въ Хивѣ до трехъ тысячъ человѣкъ; въ заключеніе просили помощи, сами не зная какой; сказывали, что неурожай послѣднихъ годовъ вогналъ пудъ муки въ тиллу, то есть, въ цѣну до шестнадцати рублей, и что они гибнутъ голодомъ, особенно старики, которые, пробывъ въ плѣну и тяжкой работѣ лѣтъ сорокъ и болѣе, нынѣ, при дряхлости своей, брошены хозяевами по случаю

дороговизны безъ всякаго призрѣнія, на произволъ судьбы; называли себя напрасно и невинно страждущими вѣрноподданными Бѣлаго Царя христіанами, погибающими въ рукахъ невѣрныхъ *масурманъ* (слово, составленное писцомъ вѣроятно изъ *басурманъ* и *мусульманъ*), поручали себя и души свои молитвамъ единовѣрцевъ, и пребывали, по отпускѣ письма, во ожиданіи великихъ милостей, богомольцами: за тѣмъ слѣдовало десятка два различныхъ подписей, и при каждой прежнее званіе и родина плѣнника, напримѣръ — Казаки Островной Станицы, Павелъ Зайцевъ съ сыномъ, Астраханскій мѣщанинъ Егоръ Щукинъ, служащій Казакъ Иванъ Печоркинъ, отставной солдатъ Андрей Ереминъ, и другіе.

Изъ списка, составленнаго по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія только могло собрать Оренбургское пограничное начальство, видно, что въ теченіи семидесяти четырехъ лѣтъ увлечено въ плѣнъ Киргизъ–Кайсаками съ Оренбургской Линіи три тысячи семь сотъ девяностосемь человѣкъ,

слѣдовательно среднимъ числомъ около пятидесяти двухъ человѣкъ на годъ; изъ этого числа возвращено, отбито, выкуплено и бѣжало, въ теченіе семидесяти трехъ лѣтъ, всего тысяча сто пятьдесятъ четыре человѣка. Самый бѣдственный годъ былъ 1774, когда увлечено тысячу триста восемьдесятъ человѣкъ: читатели замѣтятъ, что это было смутное время, послѣдовавшее за бѣгствомъ Калмыковъ съ Приволжскихъ степей Саратовской губерніи и разбоями Емельки Пугачева. Въ другое время похищено сто тридцать. Поводомъ къ этому служило занятіе Илецкаго участка, лоскута земли, лежащаго противъ Оренбурга, заключеннаго между рѣками Илекомъ, Бердянкою, Кузалою и Ураломъ и извѣстнаго безконечно великимъ пластомъ каменной соли, который, по выкладкамъ досужихъ людей, можетъ снабжать насъ четырнадцать тысячъ лѣтъ сряду милліономъ пудовъ соли въ годъ. Нынѣ, въ послѣдніе годы, Кайсаки вовсе перестали таскать людей съ Линіи, потому что нѣкоторое устройство въ степи весьма

затрудняетъ имъ сбытъ и даже самую утайку невольниковъ, а опасность поплатиться головою отбила «батырей» отъ этого промысла: учрежденіе трехъ султановъ–правителей вмѣсто одного хана, много способствовало введенію нѣкотораго порядка и повиновенія, и послѣдніе походы въ степь, малыми и большими отрядами, показали кочевымъ и хищнымъ ея обитателямъ, что степь для насъ проходима. Плѣнниковъ своихъ продаютъ Кайсаки Хивинцамъ и Бухарцамъ; но самая большая часть ихъ находится въ Хивѣ. Въ отдаленіи отъ Линіи, есть и въ самой степи, у Кайсаковъ, Русскіе невольники, однако ихъ весьма немного и, кажется, по согласію съ бродягой: иначе, уйти всегда есть возможность.

Отъ одного изъ такихъ–то бѣдующихъ земляковъ нашихъ привезъ Бикей письмо, по связямъ и знакомствамъ своимъ въ степи, — и онъ сдѣлалъ это менѣе изъ видовъ корысти, изъ расчетливости или даже приверженности къ правительству, а болѣе по пріязни съ линѣйцами,

Уральскими казаками, съ которыми жилъ въ дружбѣ и личныхъ сношеніяхъ, водилъ хлѣбъ–соль: они наказывали ему почасту «раздобыть вѣсточки отъ родимыхъ», по которымъ заживо панихиды отслужили, поминая ихъ на ряду съ преставившимися. За всякое покушеніе высвободить или увезти плѣнника, и за перевозку писемъ, Хивинцы жгутъ, рѣжутъ и вѣшаютъ: несмотря на это, почти каждый годъ получаютъ письма оттолѣ, и даже уходятъ плѣнники. Приключенія и похожденія этихъ страдальцевъ, лишенныхъ всѣхъ правъ человѣчества, — кромѣ смысла, котораго на–бѣду лишить ихъ невозможно, — приключенія ихъ дивны, непостижимы, часто превосходятъ всякое вѣроятіе, и не менѣе того не вымышлены. Одинъ былъ захваченъ, мчался восемь дней на конѣ, связанный по рукамъ, по ногамъ, ночи проводилъ, связанный подъ душною кошмою, на четырехъ концахъ которой лежали звѣрскіе стражи и не видалъ въ восемь сутокъ ни зерна насущнаго; другой, не помнитъ что съ нимъ было: его били

обухомъ въ голову, каждый разъ когда онъ приходилъ въ себя, чтобы онъ одурѣлъ, оглупѣлъ и не имѣлъ ни средства ни охоты къ побѣгу; третій, родился уже въ Хивѣ, отъ Русскихъ плѣнныхъ, выросъ тамъ, и нашелъ средства бѣжать, сквозь тысячи сторожей и степи безводныя и безкормныя, и пришелъ на Русь святую христіаниномъ, проносивъ при себѣ девятнадцать лѣтъ записку, данную отцемъ о родинѣ и родичахъ его; еще иной, вышелъ чудными похожденіями изъ плѣну, въ которомъ находился болѣе полвѣка — пятьдесятъ шесть лѣтъ; и годы эти протекли однообразно, неизмѣнно, какъ одинъ день; а этотъ, наконецъ, за исполинскую силу произведенъ, съ проименованіемъ: *пеглюванъ–кула,* силача–раба, въ первые сановники ханства, или по–крайней–мѣрѣ двора, подчинилъ себѣ богатырствомъ своимъ и дворъ и ханство, ходилъ въ шелку, ѣлъ сытно, и улучивъ время, ушелъ, покинулъ честь и мѣсто, увелъ четырехъ аргамаковъ ханскихъ, видѣлъ за собою погоню въ семьдесятъ человѣкъ, слышалъ

въ ночи, какъ на него ножи точили, клалъ уже голову на плаху; прибылъ, миновавъ всѣ бѣды, по добру, по здорову, на родину свою, и нынче онъ, мужикъ въ двѣнадцать съ половиною вершковъ, торгуетъ въ Астрахани пряниками.

Такъ братья Бикея, которыхъ видѣли мы вскорѣ по прибытіи каравана на мѣновой дворъ, не получивъ отъ него желаемаго побора, возвратились въ свои аулы донести отцу, Исянгильдію, что сынъ ему не повинуется, что онъ нейдетъ на зовъ отцовскій. Новый раздоръ, новые поджоги ненависти и мести! Сводныя братья, не желая выдать калыма сестры Бикея, подстрѣкали обѣ стороны, докучали старику день–за–день новыми доводами непокорности и строптивости сына; въ отсутствіе брата, поселяли они въ отцѣ подозрѣніе, что тотъ хочетъ лишить его власти и довѣренности народной; что, получивъ уже старшинское званіе, въ почетномъ видѣ, теперь добивается у Правительства отцовскаго мѣста, и потому подыскивается, прислуживается у Русскихъ

и «якшается» съ линѣйцами. И слабый старикъ, черствый, упрямый, хотѣлъ поставить виноватое дѣло правымъ: не давалъ отчета въ незаконныхъ дѣлахъ своихъ, а требовалъ на судъ сына. Такъ прошли мѣсяцы, годы, и отецъ питалъ уже безотчетную ненависть къ лучшему своему сыну и не могъ видѣть его не загораясь багровою кровью, а сынъ, въ гордости правоты своей и чистоты дѣла, за которое стояли всѣ его однородцы и земляки и давно уже порѣшили споръ въ его пользу, говорилъ и дѣйствовалъ смѣло и самостоятельно. Онъ никогда не забывался противъ отца, никогда, повторяю, не погрѣшилъ противъ патріархальныхъ обычаевъ степныхъ дикарей, у которыхъ бѣлая борода уважается безусловно цѣлымъ семействомъ, родомъ и племенемъ; но братьямъ онъ всегда говорилъ правду въ глаза, и она тѣмъ болѣе колола, что Бикей дѣлалъ это съ особою ухваткой: онъ никогда не бранился съ ними, какъ это водится нерѣдко у земляковъ его, на весь аулъ; никогда не выходилъ, какъ они, изъ

себя, и отражалъ всѣ ихъ нападенія какою–нибудь сильною, смѣлою и язвительною насмѣшкой, самъ оставался при своемъ, и дѣлалъ свое. Это, правда, самый горькій, унизительный способъ состязаться съ противниками, въ особенности со слабѣйшими и съ тѣми, которыхъ нечистая совѣсть и неутомимая злоба жжетъ огнемъ и палитъ поломемъ.

Братья Бикея, о которыхъ мы говорили, были Джанъ–Кучюкъ и Кунакъ–Бай. У Кайсаковъ есть Монгольскій или Калмыцкій обычай, который встрѣчаемъ также у полукочевыхъ Башкировъ, но котораго не знаютъ другіе мусульманскіе народы, — давать имя новорожденному, по произволу, съ перваго встрѣчнаго предмета или понятія. Такъ, напримѣръ, замѣчательное имя *Куты–баръ*, принадлежавшее довольно замѣчательному лицу, показываетъ, до чего простирается вольность Кайсаковъ въ выборѣ именъ и какъ мало стѣсняются они условіями приличія. *Кунакъ–бай* значитъ — Другъ–богачъ, но *Джанъ–кучюкъ*, «Душа–собака», есть кличка достойная негодяя,

которому она принадлежала, или принадлежитъ, потому что онъ живъ и донынѣ. Джанъ–Кучюкъ былъ одинъ изъ тѣхъ дикарей, котораго можно и должно называть просто звѣремъ, не распространяясь въ картинномъ изображенiи его, не исчерпая на него всего запаса поносныхъ и ругательныхъ словъ богатаго Русскаго языка. Кайсакъ свыкся и сжился со всѣми ужасами разбойничей, междоусобной жизни, и тѣшится огнемъ и ножемъ всюду, гдѣ только судьба и случай предастъ ему на истязанiе живое существо: онъ никогда не удовольствуется убiйствомъ врага или противника, — даже нерѣдко избѣгаетъ этого, если боится заплатить послѣ за него *кунъ;* но онъ изобрѣтаетъ муки и истязанiя, передъ которыми вся нынѣшняя школа Французскихъ писателей должна почтительно поникнуть головою и поднесть ему, Джанъ–Кучюку съ товарищи, вѣнецъ первенства и совершенства. Не помню, гдѣ я видѣлъ однажды картину съ изображенiемъ казни Киргиза, котораго сбирались повѣсить на

перекладинѣ, между двухъ верблюдовъ, и не знаю съ чего художникъ списывалъ видъ свой; но знаю, что едва–ли это когда въ степи случалось. Судъ и расправа Кайсаковъ Прилинѣйныхъ — нынче въ рукахъ у султановъ правителей, которые, числомъ трое, управляютъ Оренбургскими улусами съ 1824 года, со времени уничтоженія ханской власти *, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Пограничной Комиссіи и военнаго губернатора; уголовныя дѣла рѣшаются по нашимъ, Русскимъ, постановленіямъ. Судъ и рядъ удаленныхъ отъ Линіи родовъ въ рукахъ сильнаго, а сильный, это богатый или прославившійся разбоями наѣздникъ. Султаны, потомки Чингисъ–Хана, которымъ даютъ прозваніе *акъ–сюякъ* или *акъ–сюнг якъ*, бѣлая, благородная кость, отличаются чисто Монгольскими очерками лица: они наводнили и завоевали степь

* Полезное преобразованіе это послѣдовало, по случаю самовольнаго удаленія, въ 1824 году, бывшаго хана Ширъ-газы-Каипова въ Хиву. Онъ возвратился съ раскаяніемъ, когда ханъ Хивинскій обобралъ у него, мало-по-малу, всѣ подарки Царскіе, алмазы, пожалованные женѣ его ,ханджаръ, и прочее, и живетъ теперь въ ордѣ, милостью нашего Правительства, но вѣсу и значенія не имѣетъ.

гораздо позже заселенія ея Кайсаками. Султаны, кажется, вытѣснены на югъ изъ Сибири, при завоеваніи ея Русскими; народъ принялъ ихъ, какъ бѣлую кость Чингиса, съ благоговѣніемъ, и они живутъ доселѣ болѣе или менѣе на его счетъ. Впрочемъ, не должно думать, чтобы султаны имѣли право собственности надъ чернью Киргизской: она совсѣмъ въ другомъ къ нимъ отношеніи чѣмъ *хара*, «черные» простые Калмыки къ *цаганъ–ясанъ*, къ «бѣлой кости» своей. Калмыки болѣе нежели крѣпостные; они рабы безотвѣтные, а Кайсакъ воленъ и мало повинуется султанамъ. Несмотря на это, султаны преимущественно достигаютъ иногда власти и вліянія на своихъ одноземцевъ: извѣстный султанъ Арунъ–газы, былъ человѣкъ необыкновенный; онъ пріобрѣлъ неслыханную власть надъ народомъ, который трепеталъ отъ голоса его, питалъ къ нему раболѣпную, безусловную покорность, и слѣпо ему повиновался. Это, замѣтимъ, у Кайсаковъ явленіе небывалое; обыкновенно, повторяю,

не ставятъ они султановъ и старшинъ своихъ ни во что, и повинуются имъ только тамъ, гдѣ требованія бѣлой кости подкрѣпляются Русскими отрядами. Но Арунъ–газы умѣлъ ладить съ народомъ: при немъ, между прочимъ баранта, истинный бичъ Кайсаковъ, почти вовсе вывелась; никто не дерзалъ прибѣгать къ этому гибельному самоуправству, и каждый шелъ съ жалобою и просьбою къ Арунъ–газы; ярлыкъ съ грушевидною печатью султана былъ свято чтимъ получателемъ, который, вмѣсто отвѣта, мирился и раздѣлывался немедленно съ обиженнымъ. Я хотѣлъ только сказать, что этотъ Аргунъ–газы, казнилъ неоднократно смертію; но онъ не вѣшалъ и не рубилъ осужденныхъ, а просто рѣзалъ ихъ, связанныхъ, ножемъ, какъ барановъ. На вопросъ мой, кто при этомъ служилъ ему за палача, Кайсаки отвѣчали мнѣ, что каждый, у кого только о–ту–пору случался на поясѣ ножъ, кидался наперерывъ исполнить повелѣніе хана, какъ они обыкновенно называли султана Арунъ–газы. Мнѣ

указали, между прочимъ, и на Джанъ–Кучюка, который лежалъ на грязной кошмѣ, подставивъ черный бритый затылокъ солнечнымъ лучамъ, подъ которыми тепломѣръ Реомюровъ показывалъ за сорокъ градусовъ; указали на него и сказали: «И этотъ ловко рѣжетъ, и служилъ ножемъ своимъ хану не разъ и не два!»

Несмотря на такіе и иные ужасы двухъ крайностей, — безначалія и самовластія, Азіатца трудно вразумить, что дѣла могутъ и должны бы итти иначе и лучше. Сосѣди наши стали и стоятъ уже нѣсколько столѣтій на одномъ мѣстѣ, на одной и той же ступени невѣжества и изувѣрства, не оглядываются назадъ, не смотрятъ впередъ, коснѣютъ въ тупой и животной жизни. Кочевые народы, сверхъ–того, дорожатъ своею дикою, безтолковою независимостью по–крайней–мѣрѣ столько же, какъ неукротимые ихъ тарпаны. Кайсаки дотого ненавидятъ Европейское правосудіе и его обряды, что предпочитаютъ имъ всякую домашнюю расправу, лишь–бы дѣло было

кончено на словахъ, въ одинъ пріемъ; лишь–бы обвиненному и обвинителю не тягаться мѣсяцы и годы, не сидѣть въ ожиданіи медленной и томительной переписки, въ какомъ–нибудь острогѣ. Кому мало простора между Яикомъ и Сыръ–Дарьею, тому тѣсно и душно заживо въ подземномъ склепѣ! Коренной судъ Кайсаковъ таковъ: ханъ или султанъ съ почетными аксакалами, біями, старшинами и муллами, садятся въ глубинѣ кибитки; истецъ со свидѣтелями по правую, отвѣтчикъ со свидѣтелями по лѣвую руку; первый начинаетъ говорить и разсказываетъ свое дѣло со всѣми подробностями; свидѣтели поддерживаютъ его, дополняютъ, поясняютъ и подтверждаютъ; потомъ другая половина объясняетъ дѣло, сначала до конца, посвоему; во все это время одна половина другую перебивать не смѣетъ, и всѣ присутствующіе сохраняютъ глубокое молчаніе; наконецъ, всѣ выходятъ; султанъ совѣтуется съ біями и муллами, произноситъ приговоръ, и обѣ стороны призываются для выслушанія его: тѣмъ

дѣло кончено; нѣтъ ни споровъ ни апелляцій: рѣшеніе выслушивается въ молчаніи, съ уваженіемъ, исполненіе слѣдуетъ за нимъ. Не скажу, впрочемъ, чтобы приговоръ этотъ былъ всегда справедливъ и безкорыстенъ: я самъ былъ свидѣтелемъ противнаго. Правая сторона, чтобы остаться правою, необходимо должна задарить султана; иначе лѣвая будетъ правой. Но Кайсаки на это жалуются тогда только, если уже корысть судьи превосходитъ достояніе просителя; умѣренныя взятки считаются дѣломъ позволительнымъ, и даже необходимымъ: это обычный *пешкешъ*, или *буйлякъ*. У осѣдлыхъ Азіатцевъ бываетъ болѣе зла и безотчетнаго самовластія; что дѣлается въ Хивѣ, въ Бохарѣ, это разсказать можно, но повѣрить трудно. Раджа Кашемирскій особымъ ферманомъ, которымъ, подъ смертною казнью, воспрещается продажа или утайка хлѣба, забираетъ весь годичный запасъ его въ свои житницы и платитъ хозяевамъ по произволу. Тутъ всякой спасаетъ, хоронитъ и зарываетъ въ землю,

что можетъ; рѣдкій отдаетъ хлѣбъ, не подставивъ на передъ разъ, другой, спины или пятокъ; а иной приплачивается, за неудачную попытку утаить, головою. Наконецъ, дѣло слажено; житницы раджи полны, и народъ безъ хлѣба. Тогда докладываютъ ему, что «паства» ѣсть хочетъ, что голодъ свирѣпствуетъ, что народъ умоляетъ его открыть продажу, не погубить, не выморить всей земли..... Раджа еще медлитъ. Голодныя толпы облегаютъ сераль его съ утра до поздней ночи; просятъ, безъ умолку, хлѣба. И вотъ, наконецъ, объявляется необычайная милость раджи: продажа закупленнаго хлѣба разрѣшена, особые чиновники диванъ–беги и ясаулы отпускаютъ просо, пшеницу, сарачинское пшено, на вѣсъ, по десятеричной противъ закупа цѣнѣ. Это не вымыселъ, а истинное происшествіе, которое сверхъ–того повторялось уже нѣсколько разъ въ странѣ, благословенной природою и угнетенной звѣрскими завоевателями, и Кашемирецъ не видитъ тутъ ничего чрезвычайнаго: онъ плачетъ,

кряхтитъ и терпитъ, умираетъ съ голоду и терпитъ, у него и думы нѣтъ, чтобы ханъ, раджа, аталыкъ могъ когда–либо поступить иначе; онъ слышалъ съ дѣтства, что предшественники Раджи такъ дѣлали; онъ разсказываетъ дѣтямъ и внучатамъ, что потомки раджи будутъ поступать также, — и дѣло, по его мнѣнію, основано на непостижимомъ промыслѣ Аллаха и на книгѣ его пророка. Бухарецъ и Хивинецъ спокойно глядятъ на самовольныя, безотвѣтныя, ужасающіе насъ поступки хана; глядитъ, и не смигнетъ глазами, когда, перерѣзавъ, по тому же неизмѣнному обычаю, глотку несчастнаго опальнаго, чтобы кровь его сперва обагрила землю, вѣшаютъ его, уже зарѣзаннаго, среди *регистана*, дворцовой площади; глядитъ на это, и даже никогда не спроситъ, за что зарѣзанъ и повѣшенъ такой–то. Онъ знаетъ одну только причину: ханъ велѣлъ, инакъ, аталыкъ, кушъ–беги приказали, — и дѣлу конецъ. Но приведите Азіатца въ наши тюремные замки, и всегда равнодушное къ бѣдствіямъ ближняго лице впервые въ

жизни изобразитъ олицетворенный ужасъ. Ему, Азіатцу, по–крайней–мѣрѣ невозможно будетъ объяснить, что это только мѣра благоустроенной предосторожности. Этого онъ не пойметъ.

Бикей, о которомъ начинаю говорить въ десятый разъ, и всё опять сбиваюсь на посторонніе предметы, но на предметы, состоящіе въ близкой и тѣсной связи съ моимъ разсказомъ, на предметы вѣроятно не многимъ читателямъ знакомые, — Бикей кочевалъ, съ Гасановскимъ отдѣленіемъ рода Тана, противъ Нижнеуральской Линіи, водился и знался съ чиновниками Казачьими, былъ любимъ Русскимъ начальствомъ за прямоту, бойкій умъ и нѣкоторой видъ образованности; онъ дарилъ и угощалъ своихъ *кунаковъ* съ Линіи всѣмъ, что было у него любова и дорога потому что у Кайсака, для гостя, завѣтнаго нѣтъ, — зато ужъ и самъ онъ, будучи вашимъ гостемъ, беретъ, за словомъ, что ему приглянется. Бикей жилъ не по нутру, не по духу отца, и пуще того братьевъ. Дружба и связи съ линѣйцами

давала ему нерѣдко средства и способы къ высвобожденію задержаннаго однородца, къ прекращенію полинѣйныхъ раздоровъ — за потраву стожка, выставленнаго, кажется, съ намѣреніемъ въ степь, чтобы тебеняющіе, тощіе кони его растребили и хозяинъ имѣлъ случай и поводъ взыскать съ Кайсака пару барановъ, — за украденную овцу, — за съѣденную кобылу; и Бикей, который, такъ или иначе, всегда умѣлъ ладить съ атаманомъ, и, по какой бы то ни было нуждѣ, даромъ въ Уральскъ не ѣзжалъ, но каждый разъ привозилъ какую-нибудь добрую вѣсточку, пріобрѣлъ любовь и довѣренность народа, который обыкновенно старшинъ своихъ и въ грошъ не ставитъ, повинуясь имъ, какъ уже было сказано, только при убѣдительномъ появленіи двухъ-сотеннаго отряда съ двумя орудіями, неотступнымъ и необходимымъ почетнымъ спутникомъ каждаго изъ трехъ султановъ-правителей. Восьмидесяти-восьми-лѣтній Исянгильди и самъ уже чувствовалъ, что ему не подъ силу тягаться и управляться наравнѣ съ молодецкимъ

сыномъ; но сознаться въ этомъ не хотѣлъ: вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ подпору и вѣрнаго сподвижника, натравливаемый братьями Бикея, онъ видѣлъ врага, соперника и самозванца. Чѣмъ менѣе онъ находилъ все это въ Бикеѣ, тѣмъ болѣе коварные клеветники старались затемнять свои доносы и дѣйствія Бикея и выставлять открытаго, бойкаго, нѣсколько легкомысленнаго сына скрытнымъ, буйнымъ, самовольнымъ и умышляющимъ. Когда, бывало, Бикей, одѣтый гораздо щеголеватѣе всѣхъ своихъ однородцевъ, въ синемъ чекменѣ съ позументомъ по косому вороту, съ остроконечною тюбетеей на–бекрень, вскочивъ на коня, котораго берегъ и любилъ пуще глазу праваго, стрѣлой пускался по аулу, и сотни голосовъ провожали его кликомъ — *Джигитъ! батыръ! батыръ!,* а дѣвки, сидя на землѣ и снуя по колышкамъ основу изъ верблюжьяго гаруса на самоцвѣтную армячину, оглядывались на него, поправляли бархатную, стеклярусомъ и перьями украшенную шапочку, а старухи,

выминая въ одеревенѣлыхъ рукахъ жесткую черствую сыромять, вымоченную въ молокѣ, прокопченную на дымѣ, перебранивались съ шаловливыми ткачками, — тогда братья Бикея обыкновенно отворачивались отъ него, насовывали валеные калпаки на бровистыя очи, уходили въ кибитки и ворчали въ полголоса или перебранивались съ отцемъ за то, что онъ даетъ ему много воли.

Приступая теперь къ новой главѣ разсказа, который, по многимъ отношеніямъ, заслуживаетъ, какъ происшествіе, быть памятнымъ, не знаю какъ быть, — предоставитъ ли читателямъ отгадывать, къ которому изъ двухъ разрядовъ, былей или небылицъ, принадлежитъ «Мауляна» моя, или уже сказать, что говорю не сказку, а голую бывальщину. Знаю, что многіе бытописательныхъ разсказовъ не любятъ, многіе имъ и не вѣрятъ; а иные говорятъ что ихъ быть не должно; что быль не заманчива; что правда гола какъ крючокъ безъ наживки, — на него ни рыбки ни рака

не поймаешь. Какъ хотите, господа, мнѣ васъ не переучить, а и того менѣе разувѣрить; можетъ–быть и тутъ, какъ всюду, правое дѣло середина. Скажу однако о разсказѣ моемъ, на всякой случай, вотъ что: не только всѣ главныя черты его взяты съ подлиннаго, бывалаго дѣла, но я не имѣлъ даже ни какой нужды придумывать ни одного побочнаго обстоятельства, или вплетать какую–либо выдумку; все происшествіе изложено такъ, какъ было, и было въ точности такъ, какъ изложено. Не хочу пускаться ни въ какія логическія, риторическія и піитическія разсужденія: замѣчу только, что излишне, кажется, было бы переиначивать дѣло и мудровать надъ нимъ, если оно, дѣло это, само по себѣ, будучи изложено просто и въ такомъ точно видѣ какъ случилось, представляетъ цѣпь дѣйствій, и послѣдствій ихъ, составляющую одно, стройное цѣлое, основанное на чудномъ сплетеніи умственныхъ способностей и нравственныхъ качествъ человѣка, на обычаяхъ народныхъ и мѣстныхъ; словомъ, если простой

разсказъ событія живописуетъ намъ человѣка въ смыслѣ общемъ, и человѣка въ значеніи частномъ, раба страстей, и раба привычекъ и обычаевъ своей родины, того клочка земли, къ которому не приросъ онъ корнями вещественными подобно чилигѣ, таволгѣ и ковылу, а приросъ однако жъ корнями духовными, незримыми, не менѣе тѣхъ глубокими. Такъ нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы не былъ рабомъ въ этомъ двоякомъ смыслѣ: рабомъ въ себѣ и отъ себя, какъ существо конечное, и земное; рабомъ раба, какъ существо подчинившее себя какимъ–то произвольнымъ, часто смѣшнымъ и нелѣпымъ, привычкамъ, приличіямъ, обычаямъ..... Очень мало людей гибнетъ отъ прямаго зла, отъ сатанинской жажды губить людей и тѣшиться ихъ томленіями: а гибнутъ сотни и тысячи отъ недоумѣній, отъ недомолвокъ, отъ обычая и обыкновенія, отъ разныхъ условныхъ правилъ и особыхъ ухватокъ и ужимокъ приличія. Переберите критически у себя въ памяти нѣсколько вамъ извѣстныхъ случаевъ, гдѣ люди

жертвовали людьми, и гдѣ эти гибли для жизни общественной, — и вы со мною согласитесь. И здѣсь, въ повѣсти моей, увидите вы то же: это быль, гдѣ люди выказываются въ своемъ двоякомъ отношенiи, къ себѣ самимъ и къ мѣстности.

=

III.

БАТЫРЪ.

=

Стоитъ только дать какой–либо страсти нашей толчокъ, направленiе, стоитъ разбудить ее и указать ей предметъ, — и пища для ней найдется. Трудно будетъ уже отвлечь и удержать ее; очень рѣдко справится и совладаетъ съ нею разсудокъ, который всегда отправляется по мѣрной, столбовой дорогѣ, между–тѣмъ какъ сводная сестрица его летитъ, сломя голову, черезъ пень, черезъ колоду.

Отношенiя Бикея къ братьямъ, о которыхъ писалъ я выше, были бы уже по себѣ достаточны, въ быту черстваго, дикаго

народа, чтобы поселить взаимную вражду и несогласія; но въ участи его должны дѣйствовать еще другія и важнѣйшія пружины, надобно искать причины, заставлявшей братьевъ желать собственно гибели и смерти Бикея, — и не далеко, правду сказать, за этимъ ходить: то же самое чувство, которое, и самихъ боговъ древности уподобляло смертнымъ, а смертнаго еще и понынѣ нерѣдко уноситъ на небеса; то же чувство возгорѣлось въ груди Джанъ–Кучюка: ревность человѣка, дикаря, не знаетъ предѣловъ; она не прикована ко временамъ года, не оканчивается съ весною или осенью, длится годы и, пожалуй, цѣлый вѣкъ. Не даромъ писатели всѣхъ родовъ и сословій охотно пользуются этою пружиной поступковъ и дѣйствій: она въ самомъ дѣлѣ способна на все. Это доказывается уже неисчислимымъ разнообразіемъ страсти и ея изліяній: сколько ни обмолочена она во всѣхъ возможныхъ родахъ и видахъ, въ повѣстяхъ, романахъ, разсказахъ, сколько разъ ни была выворачиваема съ лица на

изнанку и съ изнанки опять на лице, еще далеко не всѣ пути и извороты ея изслѣдованы, еще далеко не всѣ виды этого Протея извѣданы.

У Кайсаковъ есть обычай — просватывать дочерей еще въ малолѣтствѣ: родители условливаются въ калымѣ, — платѣ, приношенiи со стороны жениха; молодой парень и дѣвчонка слывутъ парою, калымъ выплачивается исподоволь, въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ, и женихъ, возмужавъ, ѣздитъ изъ своего аула гостить въ аулъ невѣсты, черезъ степь, иногда на весьма значительное разстоянiе, въ богатомъ убранствѣ, и, если хочетъ показаться ей молодцомъ, въ сопровожденiи одного только или двухъ старшихъ товарищей. Ага, старшiй братъ или дядя, обыкновенно бываютъ товарищами странствующаго рыцаря любви. Тогда родители невѣсты сберегаютъ для него завѣтное мѣсто, — лужекъ, который означаютъ, какъ и всякое занятое уже подъ кочевье мѣсто, воткнутымъ копьемъ и раскидываютъ тамъ кибитку, или, когда

есть, небольшой шатеръ, гдѣ женихъ, выкупивъ невѣсту въ каждый пріѣздъ снова у старухъ, ея родственницъ, кои–то старухи защищаютъ ее иногда до нешуточной драки, тѣшится и нѣжится невозбранно во все время пребыванія своего въ аулѣ. Тогда–то получаетъ молодецъ отъ дѣвки, которая отвѣчаетъ склонности его вполнѣ, завернутую въ бумажку алую шелковинку, немного гвоздики и два три совиныхъ перышка съ шапки, служащихъ представителями дѣвственности. Переѣздъ въ сотню, другую, верстъ, а иногда и болѣе, по степи, бываетъ небезопасенъ: каждый безъ исключенія путникъ, *джулаучи*, каждый бѣглецъ или бродяга, которыхъ, мимоходомъ сказать, въ степи многое множество, и даже изъ числа ссылочныхъ въ Сибирь, — каждый человѣкъ достигшій аула, почитается гостемъ и можетъ быть увѣренъ въ безопасности; но на переѣздѣ степномъ нерѣдко встрѣчается онъ съ толпами *джюрюкчи*, барантовщиковъ, отправляющихся по междоусобнымъ расчетамъ въ извѣстный родъ, для грабежа

и самоуправной мести; и эти–то отряды, на воровскомъ поискѣ своемъ, не щадятъ уже никого; или наконецъ, путникъ встрѣчается съ записными разбойниками, добывшими себѣ славу батырей, непобѣдимыхъ, немилосердыхъ, промышляющихъ и дышащихъ разбоями и грабежами. Къ этому сословію принадлежалъ, напримѣръ, покинувшій, послѣ жалкой но достойной смерти, незабвенную по себѣ славу и нареканіе, батыръ Чиклинскаго рода, разбойникъ Кутебаръ: онъ, ѣздивъ мирить Чумекеевцевъ съ Чиклинцами, съѣхался, ночью, съ дружественнымъ Джегалбайскимъ отрядомъ; не опознавъ другъ друга, обозвались путники, по взаимной окличкѣ, ложными родами; толпа Джегалбайлинцевъ сказалась Чумекейцами, и Кутебаръ, у котораго совѣсть была нечиста насчетъ бѣдныхъ Чумекейцевъ, — онъ варварски ихъ ограбилъ и разорилъ, — не разсудилъ за благо попасться имъ въ руки, ночью, глазъ на глазъ испугался отзыва «Чумекей», и кинулся бѣжать; добрый конь вынесъ–было его изъ мнимой

вражеской толпы; но, поскакавъ въ противную сторону, онъ налетѣлъ на копья двухъ отсталыхъ, оборванныхъ мальчишекъ, и палъ съ обломками ихъ копій подъ ребрами. Тщетно силился онъ сорвать зубами платокъ, которымъ, вмѣсто чехла, былъ замотанъ пистолетъ его; онъ палъ, изодравъ себѣ губы и изгрызши въ отчаяньи и въ торопяхъ собственные пальцы до костей!

Такая шайка, увидѣвъ, въ степи коннаго путника, тотчасъ обскакиваетъ его, старается догнать или окружить; если онъ не можетъ уйти и скрыться, доколѣ неумолимая погоня чуть–чуть мелькаетъ по небосклону, то уже заранѣе спѣшивается, становится на колѣни, и съ покорностью и смиреніемъ ожидаетъ своей участи. Рѣдко пощадятъ его: то, что въ иномъ мѣстѣ васъ спасаетъ, здѣсь всегда погубитъ; Кайсакъ не знаетъ состраданія къ слабому, къ безоружному, охотнѣе всего нападаетъ самъ–сотъ на одного, и еще охотнѣе на соннаго, на женъ, на дѣтей. Кяфыра, невѣрнаго или иновѣрца, уводятъ въ плѣнъ

и продаютъ, какъ товаръ, обыкновенно въ Хиву; но довольно замѣчательно, что Русскіе, Калмыки и Персіяне, — послѣдніе какъ шіиты, — преимущественно попадаютъ въ рабство, а Евреи, Индѣйцы, и даже Армяне, никогда не лишаются свободы, не обращаются въ рабовъ и на базарахъ Востока не продаются. Правовѣрнаго, Татарина, Башкира, или своего брата Кайсака, грабители обираютъ до нитки, въ буквальномъ значеніи слова, а тамъ пускаютъ и покидаютъ на произволъ судьбы. Если вблизи нѣтъ ауловъ, если ограбленный не набредетъ на нихъ случайно, его ждетъ участь ужасная. Предвидя свою гибель, онъ не отстаетъ отъ слѣдующихъ путемъ своимъ грабителей, доколѣ не будетъ ими избитъ до полусмерти или доколѣ самъ, выбившись изъ силъ, не свалится съ ногъ. Тогда провожаетъ онъ глазами удаляющихся вершниковъ, слѣдитъ по самый небосклонъ, остается одинъ, на необъятномъ морѣ степи, одинъ, безъ помощи, безъ пищи, безъ средствъ и безъ надежды. Зной

неимовѣрный палитъ голое тѣло, жжетъ обнаженное темя; голодъ и жажда истомляютъ силы; онъ шатается, утративъ всякое соображеніе и познаніе мѣстности, и остается, почти заживо, на снѣдь плотоядному беркуту или стаѣ хищныхъ коршуновъ, которые творятъ по немъ тризну его же плотію, между–тѣмъ какъ трусливые степные волки отпѣваютъ покойника по ночамъ дружными голосами. Но иногда это нагое, покинутое, изнуренное существо, бродя въ какомъ–то безумномъ, полуживомъ состояніи по изсушенному океану, достигаетъ подвижнаго жилья собратовъ; и, если найдется милосердый и щедрый обладатель табуновъ, выходецъ съ того свѣта поступаетъ къ нему, за поденное скудное пропитаніе, въ работники. Неимовѣрно, что можетъ перенести существо это, человѣкъ, — это бренное и хилое животное! Въ одномъ аулѣ поймали Киргиза сосѣдняго рода, который подползъ высматривать и выжидать удобнаго для воровства часу. Избивши нагайками въ одинъ битокъ, его посадили связаннаго по

рукамъ и по ногамъ, позднею осенью, въ морозъ, по шею въ воду, и вытащили изъ воды только на другое утро, когда находившійся тамъ случайно съ отрядомъ офицеръ нашъ приказалъ вынуть хоть трупъ мученика. Но онъ, къ всеобщему удивленію, былъ еще живъ: тѣло его побагровѣло и посинѣло; черныя губы дрожали: болѣе знаковъ жизни не было. Его завернули въ кошму, положили около огня, и Киргизы, зная своего пріятеля, подставили ему огромное корыто *бишъ–бармаку*, или *кулламы*, пятипалаго, или ручнаго, кушанья, — крошенаго бараньяго сала и мяса. Лишь–только покойникъ немного отошелъ на теплѣ, какъ началъ визжать едва внятно; потомъ, рука изъ подъ кошмы протянулась къ корыту, и горсть за горстью отправлялась въ пасть усопшаго. Съѣвши такимъ образомъ полное корыто бишъ–бармаку, — полное корыто крошенаго сала и мяса, и выпивши цѣлый *турсукъ*, — сшитый изъ шкуры двухъ окороковъ конскихъ мѣхъ кумызу, нашъ отпѣтый всталъ, стряхнулся, сѣлъ на коня,

и вышелъ тотъ же молодецъ, что былъ вчера о–ту–пору. Другой, родной братъ извѣстнаго Джана–Кашки, пустился зимою, самъ–шестъ, на промыслъ; былъ пойманъ, избитъ весь въ одинъ синякъ, раздѣтъ до–нага и пущенъ. Онъ зарылся въ снѣгъ, и просидѣлъ тамъ ровно пятеро сутокъ, съ одною овчинкою, которая служила ему во все это время и пищею и ложемъ и покрываломъ. Онъ былъ отысканъ на шестой день, случайно, и живъ понынѣ. Онъ увѣряетъ, что ему было совсѣмъ хорошо, тепло и сытно: онъ спалъ день и ночь, а просыпаясь сосалъ овчинку.

И такъ не мудрено, что пробраться степью за двѣсти, триста верстъ, вдвоемъ или втроемъ, считается молодечествомъ; и естественно также, что суженый, посѣщая невѣсту, стыдится отправляться съ толпою или караваномъ, а прокрадывается самъ–другъ или въ–одиночку. Удивительнѣе всего при этомъ то, что ни одинъ мало–мальски порядочный Кайсакъ не откажется и не призадумается ѣхать по степи куда угодно — пускаясь на произволъ судьбы и

на авось; что, въ случаѣ плѣна, выдерживаетъ безчеловѣчныя, звѣрскія мученія съ неимовѣрною твердостью, не испустивъ ни одного стона; но, что при началѣ опасности, въ стычкѣ и на бою, будь онъ одинъ, будь съ толпою себѣ подобныхъ, въ трусости онъ уступаетъ только развѣ Жиду или Бохарцу! Какъ это объяснить?

Бикей давно уже засваталъ дѣвку сосѣдняго Баюлинскаго рода, отдѣленія Байбакты, дочь старшины Тохтамыша, по имени Дамилю; или лучше сказать, отецъ просваталъ его: онъ самъ поглядывалъ по сторонамъ. Онъ не торопилъ отца уплатою калыма, потому что молодецкая жизнь ему не надокучила; онъ медлилъ, самъ не зная чего, хоть и не думалъ противиться волѣ отцовской, и обычаю народному, и самъ считалъ Дамилю своею невѣстой; но доселѣ какъ–то еще съ нею не свыкся, не слюбился.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда одинъ изъ сосѣднихъ султановъ объявилъ годовщину, тризну, по какомъ–то

покойномъ родственникѣ своемъ, — празднество, совершаемое обыкновенно съ расточительнымъ великолѣпіемъ, если только скачки, пляски, ристалища, борьбу, пѣсни, игры нѣсколькихъ сотъ, а можетъ-быть и тысячъ, дикарей, которыхъ тороватый хозяинъ кормитъ бараниною и кониною и наливаетъ кумызомъ до-нельзя, можно назвать великолѣпіемъ. Большая часть гостей, — а приглашены всѣ, за пятьсотъ верстъ въ окружности, привозятъ съ собою лошадь, барана, верблюда или хоть турсукъ кумызу, и кланяются этимъ хозяину. Этотъ обычай уменьшаетъ значительно расходы хозяина, у котораго огромная и прожорливая толпа съѣла бы въ два три дня все его достояніе. Даровая скотина эта бываетъ также большею частію достаточна для ставокъ на скачкахъ, хотя ставки бываютъ иногда довольно богатыя, — косячекъ лошадей или отъ пятнадцати до двадцати верблюдовъ, а иногда еще и нѣсколько платковъ и халатовъ.

Въ этомъ обжорствѣ состоитъ все празднество. Нѣкоторые гости

выпарываютъ изъ кожанныхъ шараваръ своихъ карманы, завязываютъ внизу вкругъ ноги, и во время обѣда наполняютъ все это пустое пространство крошенымъ жиромъ и мясомъ, любимымъ и всегдашнимъ кушаньемъ, извѣстнымъ подъ именемъ бишъ–бармаку. Скромнѣйшіе завязываютъ остатки въ концы своего пояса, но всѣ безъ исключенія набиваютъ ротъ огромными пригоршнями крупно искрошенаго мяса и глотаютъ его цѣликомъ. Другъ друга подчиваютъ они и особенно почетнѣйшихъ, поднося имъ верхомъ накладенную горсть мяса, жиру и хрящу: учтивый вельможа обязанъ захватить все это разомъ въ ротъ и проглотить, — при чемъ нерѣдко у него очи на лобъ лѣзутъ и вся рожа вздуется горой: но дѣло сдѣлано и приличіе соблюдено.

Историкъ Абуль–газы, котораго можно бы справедливѣе назвать сказочникомъ, въ своей исторіи Монголовъ и Татаръ, восхитившись пиромъ Угузъ–Хана, начинаетъ даже воспѣвать его въ стихахъ:

«Девять сотъ кобылъ, девять тысячъ барановъ убилъ,

Девяносто девять кожаныхъ водоемовъ пошилъ;

Въ девять вина, въ девяносто кумызу наливалъ,

Да цѣлое войско свое на пиру угощалъ.»

Послѣ ѣды, четвероногіе обитатели степей, кони, суть первые дѣйствующія лица, а люди уже второстепенные: это пиръ, гдѣ лошади, какъ и всюду у этого коннорожденнаго народа, занимаютъ первыя и почетныя мѣста; гдѣ можно только отличиться батырствомъ на конѣ; гдѣ стяжаются скаковыя ставки — богачей, дружный припѣвъ и лестная похвала нѣсколькихъ десятковъ степныхъ красавицъ, которыя, садясь вечеркомъ въ кружокъ, воспѣваютъ, томнымъ и тоскливымъ тономъ, но чистыми и пріятными голосами, молодечество новаго джигита; воспѣваютъ на–обумъ и иногда недурно вылившимися стихами.

Какъ рѣдки стали нынче въ степи добрые Киргизскіе кони, можно заключить изъ того, что иногда изъ огромнаго табуна въ нѣсколько тысячъ лошадей почти нечего

выбрать: пятокъ, много десятокъ, — остальное дрянь. Это происходитъ отъ безтолочи и небреженія: Кайсаки и Башкиры считаютъ, сколько головъ скота у нихъ, а прочее все предоставляютъ Аллаху и великому его послу. Въ Оренбургскомъ краѣ, не включая степи, числится до милліона лошадей; двадцать тысячъ идетъ ежегодно въ продажу, и въ томъ числѣ болѣе половины въ степь: а время, когда, наоборотъ, Кайсаки пригоняли табуны свои для продажи къ намъ, ушло далеко и, кажется, невозвратимо: теперь мы стали безпечными пастухами, Киргизы засѣваютъ хлѣбомъ огромныя пространства!

Къ скачкѣ, какъ извѣстно, подготавливаютъ, подмариваютъ, подъяровываютъ степныхъ лошадей: въ этомъ дѣлѣ покрайней мѣрѣ столько же удачи сколько искусства. Не дояруешь, — скакунъ загорится, тяжелъ, не дойдетъ; переяруешь, — ослабѣетъ, и опять–таки станетъ. Подготовка эта состоитъ въ томъ, что лошадей, по зарямъ, проѣзжаютъ шагомъ и рысью до поту, а потомъ ставятъ,

на всю ночь, въ сѣдлѣ и безъ корму. Если вспомнить, что лошади не видятъ овса, что изрѣдка любимаго скакуна баловня Кайсаки поятъ кобыльимъ молокомъ, что они не кованы и круглый годъ на подножномъ корму, нельзя не согласиться, что порода эта необычайно крѣпка. Одноконный Кайсакъ дѣлаетъ въ сутки верстъ по сту, если путь великъ, а двуконный полтораста. Въ Бухару, мѣрныхъ полторы тысячи верстъ: Кайсакъ о двуконь поспѣваетъ въ двѣ недѣли и скорѣе. На скачкахъ, Кайсаки берутъ обыкновенно разстояніе отъ тридцати до пятидесяти верстъ; скакуны, на этомъ разстояніи, проходятъ версту въ полторы минуты, иногда и скорѣе, — въ минуту и двадцать секундъ.

Борьба Кайсаковъ и Башкировъ почти одинакова; но она не походитъ на борьбу Русскую. Подъ силки не берутся, подъ ножку не любятъ и не знаютъ, — а закинувъ другъ другу поясъ на поясницу, какъ дѣлаютъ Башкиры, или подпоясавшись имъ, какъ дѣлаютъ

Кайсаки, заматываютъ каждый въ него обѣ руки, упираются одинъ въ одного правыми плечами, и возятся что медвѣди, иногда четверть часа на одномъ мѣстѣ. Здѣсь рѣшаетъ сила: ловкость и искусство измѣняютъ. Бухарцы, къ слову молвить, борятся крайне забавно: они раздѣваются и разуваются, выступаютъ въ однихъ шараварахъ, ходятъ и кружатъ другъ противъ друга, словно пѣтухи, изноравливаются, прицѣливаются смѣшными ужимками, и вдругъ, улучивъ время, наскакиваютъ одинъ на другаго, схватываются какъ попало, — за ногу, за руку, за голову, и, сцѣпившись, мнутъ, ломаютъ и царапаютъ другъ друга, какъ кто сможетъ.

Но возвратимся къ пиру. Вмѣсто того, чтобы говорить вамъ — Унгъ–бай обскакалъ Бузава, а Мендьяръ Сафаръ–бая, Кутлу–гильди поборолъ Кагармана, Искендера и Урмана, вмѣсто этого, опишу извѣстную у Кайсаковъ и страстно любимую ими игру, въ которой побѣдителя ждетъ награда неоцѣненная, а смѣхъ и поношеніе

ожидаютъ побѣжденнаго. Дѣло вотъ какое: состязаются молодой парень съ отборною, молодецкою дѣвкой. Дѣвка выѣзжаетъ на лихомъ скакунѣ, взмостившись по обыкновенію на высокое сѣдло, покрытое попонами, одѣялами и подушками; выѣзжаетъ на лучшемъ и завѣтномъ конѣ отца или брата, носится по чистому полю, налетаетъ на молодцовъ, замахивается на нихъ плетью, а если который неувертливъ, часомъ того и пріодѣнетъ, кричитъ, хохочетъ, рѣзвится, вызываетъ на бой. У кого сердечко по ней разгорится, тотъ кидается самъ на коня и пускается въ погоню. Начинается травля и скачка; народъ реветъ; красавица мчится стрѣлой; молодецъ нагоняетъ; она крутой поворотъ въ бокъ, — въ другой, — опять впередъ, — назадъ; наконецъ парень ее донимаетъ: то заскакиваетъ впередъ и, осаживая коня, старается только коснуться рукою персей ея, то настигаетъ ее съ тылу и, вытянувшись въ маховую сажень, едва не досягаетъ ее рукою..... Онъ мечется и кидается, то съ тылу, то съ боку. Дѣвка, не

щадя ни парня, ни его коня, ни плети своей, съ которою право шутить вовсе не выгодно, стегаетъ зря и съ плеча, и очертя голову, по чемъ попало; молодецъ свивается клубомъ, налѣтаетъ соколомъ, подвертывается жгутикомъ, и, коснувшись однажды рукою груди ея, обнимаетъ красавицу сильными мышцами, и она уже не смѣетъ болѣе ему сопротивляться. И степные кони дружно мчатся по мягкой травѣ, а всадники, покинувъ поводья, не заботятся о направленіи скакуновъ. Но если молодецъ принужденъ бываетъ отвязаться отъ дѣвки не нагнавъ ея, не коснувшись рукою персей, тогда, какъ говорится, хорони головушку въ мать сыру землю: отъ посмѣянія и проходу нѣтъ. А въ добавокъ еще, тогда уже дѣвка его нагоняетъ и, не давая своротить, гонитъ передъ собою до упаду и лупитъ нагайкою, *камчи*, при громогласныхъ крикахъ и хохотѣ народа. Это и стыдно и больно.

Дѣвка, въ аломъ бархатномъ чекменѣ, подъ золотою стежкою, въ трехцвѣтныхъ Бухарскихъ сапогахъ изъ чешуйчатой

ослиной кожи, въ острой, конической, бархатной шапочкѣ, унизанной бисеромъ и украшенной селезневыми и совиными перышками и темнозеленымъ, искусно набраннымъ, висячимъ перомъ, длинными поднизями и сѣтками, кистями и плетежками изъ разноцвѣтнаго бисеру, корольковъ и стекляруса, дѣвка появилась верхомъ, на просторѣ. Она, вопреки обыкновенному мнѣнію, смѣшивающему Кайсаковъ съ Калмыками, съ которыми они ничего общаго не имѣютъ, лицемъ ни сколько не была калмыковата; имѣла пріятный, продолговатый обликъ; глаза не томные, нѣжные и незабудковые, но быстрые, искрометные, темнокаріе, необычайной жизни и блеску; черты лица особенныя, свойственныя Кайсачкѣ, и, не менѣе того прекрасныя.

Пригожество и красота суть вещи условныя; не знаю, приглянулась ли бы вамъ моя степная красавица съ перваго разу, особенно если бы вы пожаловали въ Зауральскую степь прямо изъ партера Александринскаго Театра, изъ

Филармонической залы, съ пышнаго придворнаго балу. Если нѣтъ, то виною этому былъ бы, вѣроятно, только тяжелый, мѣшковатый нарядъ ея; я думаю, что если бы вы обжились немного со степью и съ ея дикарями и дикарками, если бы привыкли къ этимъ тройнымъ и четвернымъ неподпоясаннымъ халатамъ, къ неуклюжимъ чоботамъ и мужиковатой поступи, то стали бы вглядываться въ иное лице, свѣжее, дикое, яркое и смуглое, въ которомъ брови, рѣсницы, очи, губы и подборные скатнаго жемчуга зубы, украсили бы любую изъ Московскихъ и Петербургскихъ красавицъ, похожихъ нерѣдко, — извините меня неуча, — на куколку, которую шаловливыя дѣвчонки умывали, и смыли румянецъ, и алый цвѣтъ устъ, а въ голубыхъ глазахъ оставили одинъ только блѣдный, мутный намѣкъ на прежній цвѣтъ ихъ. Плосковатое лице и выдавшіяся скулы не дѣлаютъ на меня ни какого непріятнаго впечатлѣнія, а высокое чело и благообразный носъ вполнѣ

соотвѣтствуютъ пріятному облику Кайсачки.

Такъ дѣвка эта сѣла и понеслась, давая круги: шумный говоръ и разнообразное движеніе оживили толпы и пестрые ряды множества гостей и зрителей; насмѣшки и колкія шутки сыпались градомъ отъ дѣвокъ, бабъ и стариковъ, на молодежъ, на парней, которые стояли, почесывая бритые затылки, отшучиваясь площадными остротами, и не думая скакаться со смѣлымъ вершникомъ. Она, избочениваясь на каждомъ поворотѣ, давила толпу тяжеловѣсыхъ мужиковъ, между–тѣмъ какъ эти едва успѣвали увертываться и разступаться. Слѣдомъ за нею раздавался хохотъ, и неповоротливые парни почесывали лбы, плеча и спины, на которыхъ глухіе удары камчи, удары нѣжной дѣвичей руки, рисовались преизрядными синяками.

Бикей слѣдилъ ее глазами; оглянулся опять, кинулъ на нее взоры, опять вокругъ на толпу, какъ–будто удивляясь и не довѣряя тому, что нѣтъ *шункара*, нѣтъ

кречета, на эту пигалицу. И въ тотъ же мигъ она налетѣла вихремъ на него: народъ отхлынулъ съ крикомъ и ребятишки въ давкѣ завизжали. Бикей ни съ мѣста; какъ стоялъ, сложа руки и выставивъ ногу впередъ, такъ и остался, и только вперилъ жадныя очи въ батырку на рыжемъ, нескладномъ, неутомимомъ скакунѣ. Она, пролетая мимо, взмахнула плетью выше головы Бикея, быстро опустила карающую десницу, обмахнула повисшею на темлякѣ нагайкой два быстрыхъ круга около головы его, и промелькнула. Не знаю почему, но милосердіе это странно поразило Бикея и круто имъ повернуло: онъ закричалъ — *Биркъбулъ!* держись!, и уже несся вслѣдъ за непобѣдимою, за которой никто не осмѣливался гнаться, ибо всѣ знали, что она, не щадя ни плечь ни головы друга–противника, сѣкла вальковою нагайкой оплошнаго и не настигшаго ея состязателя; знали и то, что ее, со времени возмужалости, на всѣхъ игрищахъ и пирахъ никто еще не догонялъ и не обнималъ. Понятно, что ловкость, смѣлость и умѣнье,

здѣсь важнѣе быстроты скакуна: посадите, легкихъ какъ пухъ, красавицъ нашихъ на любова степнаго коня, и онѣ пропали; нѣтъ пощады и нѣтъ спасенья; онѣ.... о ужасъ! онѣ въ объятіяхъ неистоваго Монголо–Татара, который, вѣроятно, при всей своей осторожности, изомнетъ и изломаетъ всѣ ихъ хрящеватыя, воробьиныя ребрышки, такъ называемую «талью», — извините, чуть не проговорился, не сказалъ «станъ»: виноватъ!

Не станемъ разбирать, какъ и чѣмъ взялъ Бикей: завѣтнымъ ли гнѣдымъ жеребцомъ, котораго выбралъ жеребенкомъ, на свою долю, изъ отцевскаго десятитысячнаго табуна, и въ которомъ души не чаялъ, — или чѣмъ другимъ; скачкою ли взялъ, сноровкою ли, или просто тѣмъ, что ринулся въ погоню нежданый, словно камень изъ за угла: все равно; довольно намъ потѣшиться картиной, оглянувшись на этотъ изступительный и оглушающій ревъ тысячи зрителей, и встрѣтить взоромъ всадниковъ нашихъ въ самую ту минуту, когда Бикей обнялъ станъ

Мауляны крѣпко правою рукою, и почти лежалъ, растянувшись и перегнувшись бокомъ съ упрямаго жеребца, который мчался рядомъ, но почти въ цѣлой сажени отъ рыжаго горбоносаго скакуна побѣжденной и задыхающейся отъ смѣху красавицы.

Мауляна была нарѣченная невѣста старшаго брата Бикеева, который однако жъ не заблагоразсудилъ скакаться съ нею, и стоялъ въ толпѣ зрителей. Все что видѣли мы теперь, не могло быть по нраву злобному и ревнивому жениху, который, какъ нерѣдко примѣчаемъ это въ природѣ, былъ запятнанъ ея рукою и облеченъ знаменіемъ: онъ не имѣлъ пріятнаго и молодецкаго Монголо–Татарскаго лица Бикеева, въ которомъ большіе яркіе глаза и носъ дугою соединяются съ плоскимъ лбомъ и выдавшимися впередъ щеками; онъ былъ дуренъ собой, и, на изуродованномъ оспою подбородкѣ, рѣдкая борода пробивалась только на одной, правой половинѣ. Онъ отвернулся, и пошелъ прочь отъ толпы, и шумныя восклицанія — *Гоу,*

гоу, гоу, батыръ! джигитъ! **поражающія громогласно слухъ его, раздирали со всѣхъ сторонъ бѣшеное сердце. Оно вскипѣло местью, ненавистью, и клокотало, доколѣ кровь была еще тепла въ жилахъ Бикея.**

=

IV.

БАРАНТА.

=

Что такое баранта?

Если Кайсакъ у другаго украдетъ или угонитъ скотину, за это, по обычаю народному, долженъ онъ заплатить *туляу*, пеню; но если онъ отказывается или не сознается въ воровствѣ, а родъ или аулъ его не выдаетъ виновнаго, то біи и аксакалы разрѣшаютъ обиженнаго искать права силою; онъ набираетъ товарищей и отправляется, говоря *Барамнъ–та,* «пойду же я»: вотъ вамъ барамта, или, какъ говорятъ Русскіе, баранта. Но при этомъ самоуправствѣ трудно знать ладъ и мѣру; одинъ захватываетъ болѣе, чѣмъ ему, по

обычаю народному, слѣдовало; другой, объявляетъ искъ неправый; третій, пользуясь смятеніемъ и безпорядками, поживляется самъ на свою руку; опять иной, въ сумятицѣ, не впопадъ, угоняетъ скотъ не того хозяина, котораго онъ преслѣдовалъ; или опять у вора нѣтъ добра ни какого, а родъ отказывается отъ платежа и отвѣта: за все это насчитывается новая пеня, а за случайныя или умышленныя убійства при барантѣ, кунъ, весьма значительный и часто неуплатимый *; все это причиною и поводомъ къ тому, что взаимные расчеты, а съ ними баранты и междоусобія, поддерживаемыя еще сверхъ–того султанами, которые въ мутной водѣ рыбу удятъ, расплодились и размножились до безконечности. Баранта обратилась въ гибельный промыслъ степныхъ дикарей; всѣ роды и племена перепутались во взаимныхъ счетахъ и начетахъ, и пользуются каждымъ случаемъ для взаимнаго разоренія и нападеній. И

* Если обороняющіеся убьютъ кого изъ барантовщиковъ, изъ нападающихъ, за это куна обыкновенно не полагается.

здѣсь, какъ всюду, «мое» и «твое» служатъ поводомъ, началомъ и корнемъ взаимной враждѣ и усобицѣ. Суровая зима, въ продолженіе которой ртуть замерзаетъ въ тепломѣрахъ и степные бураны заносятъ глаза путника, кружатъ и мятутъ его мысли и чувства, дотого, что онъ не въ состояніи различить пяти пальцевъ своихъ передъ носомъ, съ трудомъ удерживаютъ неукротимыхъ и свирѣпыхъ хищниковъ, въ лютости подобныхъ барсу, въ трусости степному волку; но лишь–только сочные ростки пробьются на раннихъ солнопекахъ, отощавшія на зимней тебеневкѣ кобылы мгновенно добрѣютъ и разъѣдаются, дикари пробуждаются отъ зимняго сна, сытный и питательный кумысъ разливается алою кровью въ изсякшихъ жилахъ, краситъ щеки, наполняетъ блескомъ и жизнію потухшіе очи и шумныя толпы мигомъ пускаются во всѣ стороны на поискъ, разоряютъ безъ милосердія другъ друга, безпощадно губятъ свое насущное пропитаніе. Баранта, туляу и кунъ, кунъ, туляу и баранта, — вотъ въ чемъ

заключается почти все уложеніе, все правосудіе степныхъ дикарей. Извѣстно, что судъ и расправа всѣхъ мусульманскихъ народовъ основывается на Коранѣ; потому всякій кади, или казы, судія, есть лице духовное: но нигдѣ это не соблюдается менѣе чѣмъ у Кайсаковъ, которые не охотно признаютъ надъ собою какую–либо власть, и самоуправство предпочитаютъ всякой другой расправѣ. Киргизъ, нанимающійся въ работники, условливается съ вами, будете ли за него платить кунъ, если онъ умретъ на вашихъ рукахъ. Цѣна куна вообще полагается за мужчину 1,000, за женщину 500 барановъ. Расплачиваясь другимъ скотомъ, зависѣть будетъ отъ сдѣлки, сколько барановъ полагать на лошадь, корову или верблюда. За убійство султана полагается тысяча верблюдовъ, — кунъ, который едва ли когда бывалъ уплачиваемъ, а установленъ, какъ объясняетъ самъ султанъ Кусябъ, длятого только, чтобы никто и никогда не могъ посягнуть на жизнь бѣлой кости, *акъ–суякъ,* то есть, султана. Между–тѣмъ, и въ

прежнее, и даже въ нынѣшнее время, убійства султановъ не совсѣмъ рѣдки. Вотъ примѣръ Киргизской расправы: двое Кайсаковъ поссорились при перекочевкѣ, за луга; отъ ссоры до драки у нихъ не далеко: они подрались; одинъ другаго укусилъ въ палецъ, и бабы насилу розняли дураковъ. У раненаго палецъ разболѣлся: его отдали, какъ водится, на попеченіе и на отвѣтственность виновнаго. Былъ ли этотъ плохой лекарь или ужъ такъ судьба порядила, довольно того, что прикинулся волосъ, вскорѣ вся рука до плеча распухла, разболѣлась, показался наконецъ антоновъ огонь, — и больной умираетъ. Его родные пріѣзжаютъ въ аулъ лекаря за тѣломъ покойника, какъ водится у достаточныхъ людей, на бѣломъ верблюдѣ, но, противъ обыкновенія, вооруженные, съ крикомъ, съ шумомъ, съ ругательствами, съ угрозами: это было строгою зимой; дѣвчоночка, испугавшись пріѣзжихъ и бушующихъ въ тѣсной кибиткѣ батырей, выскочила изъ подъ кошмы, въ которой завернули ее отъ стужи, выбѣжала изъ кибитки,

отшатнулась, и замерзла въ тридцати шагахъ отъ своего жилья. Сдѣлка и мировая произошли на слѣдующемъ основанiи: ты обязанъ заплатить кунъ за того, кого укусилъ и залечилъ; а ты долженъ заплатить кунъ за дѣвчонку, которая отъ тебя погибла; a – b = c, слѣдовательно, укусившiй товарища смертельно въ палецъ платитъ, вмѣсто 1,000, только 500 барановъ, ибо за остальные 500 поверстался смертiю дѣвчонки.

Я уже выше замѣтилъ, что степные разбои отличаются отъ баранты, вошедшей въ законную силу. Всѣ наши купцы, торгующiе на Линiи, знаютъ, что на слово Киргиза, при мѣновыхъ и торговыхъ сдѣлкахъ, почти всегда можно положиться: Кайсакъ пригонитъ вамъ въ назначенный день и мѣсяцъ, въ назначенную точку Линiи, лошадей или барановъ, взявши деньги даже впередъ; но онъ всегда украдетъ ихъ снова, если дадите ему случай, и будетъ этимъ хвалиться; онъ вещи не тронетъ, потому что называетъ это

урлыкъ, воровствомъ, а украсть коня, барана, молодечествомъ, ***жигитлыкъ***. При перекочевкѣ, нерѣдко покидаютъ Кайсаки цѣлыя груды своего скарбу, прикрытыя кошмами, или войлоками: этого никто не тронетъ, между–тѣмъ какъ добраго коня нельзя достаточно уберечь и устеречь: его только развѣ не уведутъ изъ–подъ васъ. За воровство вообще полагается у Кайсаковъ туляу, пеня, особенно если украденная скотина будетъ уже съѣдена; и расчетъ при этомъ довольно страненъ и сложенъ: за украденную лошадь платятъ три девятка, три ***тогуза***, скота; первый тогузъ состоитъ изъ одного верблюда, двухъ тельныхъ къ будущему году коровъ, съ нынѣшними телками, яловаго бычка и такой же коровки; итого, девять. Второй тогузъ: лошадь вмѣсто верблюда, а прочее то же. Третій тогузъ: корова, двѣ овцы съ ягнятами нынѣшняго помету и обѣщающія то же на будущій годъ; и наконецъ, два козленка. За верблюда полагается такихъ же шесть тогузовъ, потому что верблюдъ идетъ за два коня, а корова въ цѣнности

равна лошади. Начетъ этотъ столь значителенъ, что рѣдкій воръ согласится добровольно, и даже рѣдкій въ состояніи, уплатить требуемое, а отказъ, или даже замедленіе, часто влечетъ за собою угоны, грабежи ауловъ и убійства. Начеты эти переходятъ съ дѣда и отца на сыновей и внучатъ, и дробятся съ родовъ на поколѣнія, съ поколѣній на частныя лица и семейства.

Собираясь на баранту, на разбой, хищники съѣзжаются иногда десятками, особенно если хотятъ только сдѣлать ночное нападеніе, для отгона табуновъ, а иногда сотнями, и тогда уже нападаютъ на аулъ открытыми силами, на разсвѣтѣ или во время полуденнаго жару и всеобщаго отдыха. Идущіе на этотъ промыслъ берутъ лучшихъ коней, — всѣ Киргизы храбры только копытами и ногами скакуновъ своихъ, — но берутъ самую плохую сбрую и одежду, и обвѣшиваются, полунагіе, одними лохмотьями изношенныхъ и изодранныхъ халатовъ. Вооруженіе ихъ состоитъ тогда почти исключительно изъ легкихъ,

длинныхъ копій или даже однихъ заостренныхъ въ концѣ копеищъ, безъ желѣзка, да изъ чекановъ. Огнестрѣльнаго оружія не возятъ они съ собою на баранту, частію, чтобы не обременять себя по–пустому, а частію, чтобъ не вводить себя въ искушеніе: убить человѣка не долго, какъ они говорятъ, да послѣ кунъ выплачивать накладно. Отрядъ этихъ грабителей наводитъ уныніе, тоску и омерзеніе, особенно если, глядя на эту безтолковую толпу, взвѣсить духъ и храбрость воителей, которыхъ десятки тысячъ можно разсѣять и уничтожить сотнею, другою, добрыхъ Казаковъ; если взглянешь на этихъ выродковъ, неумолимыхъ въ звѣрской жестокости противъ слабаго, трусливыхъ до безконечности, гдѣ дѣло дойдетъ до устойки!

Буйные Чиклинцы, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, нагрянули въ самый жаркій полдень, когда все покоилось въ аулахъ, когда, по обыкновенію, всѣ Кайсаки, скрывшись отъ зноя въ кибитки, спали глубокимъ сномъ. Они нагрянули на

Танинцевъ. Аулы, на которые сдѣлано было нападеніе и гдѣ находился старшина Исянгильди, состояли изъ четырехъ сотъ кибитокъ, раскинутыхъ, по пяткамъ и по десяткамъ, черными холмами по обширному, отлогому скату. Издали глядя, невольно сравниваешь ихъ съ черноземными холмами кротовъ, безпорядочно наброшенными по зеленому лугу. Все покоилось. Не было видно ни души. Разсыпавшіяся стада и табуны занимали по нѣсколько десятковъ верстъ во всѣ стороны; пастухи спали, раскинувшись въ травѣ. Чиклинцы ворвались отдѣльными толпами въ передовыя стада и табуны, и прискакавшій сломя–голову въ аулы съ извѣстіемъ о вторженіи, привелъ за собою, почти на хвосту, грабителей. Старикъ Исянгильди вскочилъ. Аулы взревѣли въ одинъ голосъ. Каждый кидался за оружіе, схватывалъ лучшее свое платье, вскакивалъ на первую лошадь, и летѣлъ во весь духъ, — навстрѣчу врагамъ, думаете вы?..... Нѣтъ, этого здѣсь не бываетъ; здѣсь нападающій всегда уже побѣдитель. Все

кидалось и летѣло въ противную сторону; сгоняли и спасали стада и табуны, сколько можно было еще ихъ занять и удержать. Обширная степь ожила и зашевелилась, пыль поднялась, толпы разсѣянныхъ всадниковъ мелькали и пропадали, кони ржали и оглушали топотомъ окрестность, хриплые, дикіе крики побѣдителей и побѣжденныхъ раздирали воздухъ. Вмѣстѣ съ мужчинами, или еще и напередъ ихъ, кидались на коней молодыя дѣвки и улетали. Остались въ аулахъ, при скарбѣ и имуществѣ, хилые, хворые старики, дѣти и бабы. Такъ дѣло кончено, скажете, и обойдется безъ кровопролитія: Чиклинцы не найдутъ въ аулахъ достойныхъ себя противниковъ. — Посмотримъ. Они, грабители, взбивая тучи пыли, уже налетѣли съ ревомъ на аулъ; уже крикъ, визгъ и проклятія смѣшались съ гуломъ и топотомъ, со ржаніемъ и блеяніемъ; уже копья, подобно желѣзнымъ щупамъ неумолимыхъ винныхъ досмотрщиковъ, которые нерѣдко на заставахъ прокалываютъ и платья и постель и книги

проѣзжающихъ, — уже копья погружаются тамъ и сямъ, сквозь рѣшетчатые стѣны, въ беззащитныя, одинокія кибитки, и оборванные, полунагіе потомки Батыя и Чингиза, съ неистовствомъ, съ изступленіемъ, колютъ, бьютъ и рѣжутъ все живое и живущее, до чего только дошарились копьями своими подъ тюками и кошмами..... Но теперь завязывается жестокій и отчаянный бой; упорный, какого вы не видали, если не видѣли, какъ мать отстаиваетъ свое дѣтище. Вотъ зрѣлище, вотъ черта, гдѣ я узнаю природу: Киргизка и самка степнаго барса одинаково дерутся за своихъ дѣтенышей, и не уступаютъ ихъ, доколѣ сами живы! Оставьте блѣдныхъ и хилыхъ горожанокъ, нѣжныхъ красавицъ нашихъ, запасающихся мамками и кормилицами, отдающихъ новорожденное дитя изъ лона своего прямо къ чуждой и купленой груди; идите сюда, и посмотрите, какъ та же слабая женщина защищаетъ своихъ малютокъ. Бабы вооружаются *баканами*: каждая схватываетъ длинную, крѣпкую дубину, которою обыкновенно

подпирается средина кибитки и которою Кайсачка мастерски владѣетъ: она привыкла управляться этимъ орудіемъ, не только каждый разъ, когда ставитъ переносное жилье свое, но и вообще всегда, когда случается поправлять *турлыкъ, узукъ* или *тундукъ,* кошемныя полсти и лоскуты на бокахъ или на кровлѣ кибитки, ловить и принимать вилообразною оконечностью бакана арканы, шерстяныя веревки и тесьмы перекинутыя черезъ верхъ подвижнаго жилья. Такъ этимъ баканомъ вооружаются бабы, и отстаиваютъ каждая свою кибитку. Угрозъ грабителя она не слышитъ, копья его, айбалты и чекана, не страшится; и, если онъ не поразитъ ее смертельно при первомъ ударѣ, мѣткій взмахъ бакана раздробляетъ голову разбойника, или коня его, — всё–равно, потому что свалившійся съ коня бываетъ убитъ до смерти тѣмъ же оружіемъ, страшнымъ въ сильныхъ рукахъ свирѣпой дикарки. Жена султана Медетъ–Галія, убитаго Джагалбайлинцами въ 1831 году, близъ Орска, отстаивала такимъ образомъ

свою семью: она уложила, передъ жильемъ, двухъ вершниковъ на вѣчный покой, и, не прежде какъ когда сама испустила духъ, двѣ дочери ея были схвачены, и увлечены разбойниками на поруганіе.

Грабители не сочли нужнымъ мѣряться и тягаться съ амазонками, свирѣпыми, безстрашными, отчаянными; и потому, угнавъ скотъ, приколовъ нѣсколько дѣтей и стариковъ, на которыхъ наткнулись въ расплохъ и невзначай, захвативъ десятокъ, другой, бабъ и дѣвокъ, неуспѣвшихъ добѣжать до аула или неимѣвшихъ силъ и причинъ обороняться до послѣдняго издыханія, отправились во–свояси. Мужчинъ, одновѣрцевъ, какъ сказано прежде, Кайсаки въ плѣнъ не берутъ; но дѣвки и бабы считаются товаромъ: ихъ сажаютъ на добытыхъ коней, связываютъ ноги подъ брюхомъ лошади, и гонятъ по пути домой. Коранъ позволяетъ мусульманамъ имѣть до четырехъ женъ вдругъ; но иные, по–примѣру пророка, берутъ до девяти сожительницъ; свыше этого, держать не дозволено, но

услужливые толковники объясняютъ, что купленая или взятая въ полонъ красавица — собственность каждаго, товаръ; съ нимъ дѣлаю, что хочу: и на этомъ основанiи запрещенiе распространяется только на единовѣрокъ, взятыхъ по доброй волѣ. Пригожiя дѣвки, захваченныя на барантѣ, достаются обыкновенно на долю батырей, и участь ихъ нерѣдко бываетъ почти та же, какъ если бы онѣ вышли замужъ въ отдаленные аулы; иногда полу–супругъ, полюбивъ свою плѣнницу, даже посылаетъ родителямъ ея подарки, калымъ, и вражда забыта. Вотъ вамъ романическое похищенiе красавицы въ Киргизской степи. Но молодыя матери, которыхъ брали въ неволю, разлучая съ дѣтьми, нерѣдко посягали на жизнь свою, если имъ не было средствъ и надежды къ побѣгу. Бывали примѣры на Оренбургской Линiи, гдѣ мать Киргизка, которой дитя продано отцомъ въ ужасной крайности за нѣсколько пудовъ хлѣба, убѣгала изъ степи, являлась на Линiю, крестилась и оставалась на всегда при своемъ дитяти.

Барантующіе удалились: табуны, послушные голосу новаго вожака, заскакавшаго впередъ и летящаго на борзомъ конѣ во весь духъ во–свояси, исчезли; все стихло; только пыль стлалась издалека и амазонки наши бродили по аулу и собирали, въ ожиданіи мужей и дѣтей, раскиданную утварь. Медленно и въ величайшемъ безпорядкѣ, по–парно, по пятку, по десятку, тащились, мчались и плелись побѣдители; кто налегкѣ, кто съ баранами, кто со вьючными верблюдами, лошадьми, коровами, быками; трехъ–тысячная толпа растянулась на нѣсколько десятковъ верстъ; каждый думалъ только о себѣ и о заграбленномъ имуществѣ, болѣе ни о чемъ.

Бикей, ѣздившій на свою руку, въ гости ли куда–то, или за дѣломъ, возвращался медленно въ свои аулы; поднявшись на пригорокъ, онъ остановился и вперилъ пронзительные взоры въ мерцающую обманчивой водою даль, — явленіе, о которомъ я уже гдѣ–то говорилъ: оно въ знойные дни обольщаетъ нетерпѣливаго,

истомленнаго, степнаго путника, и на поэтическомъ языкѣ древняго Тибета столь выразительно называется — жажда сайги, у Арабовъ *сарабъ*, у Кайсаковъ *мунаръ*, у Французовъ и у Русскихъ *миражъ*, а у, — извините, — у простолюдина, марево. Только необыкновенная привычка, смѣтливость и зоркость, могутъ отличить что–либо въ этомъ пламенѣющемъ, воздушномъ морѣ. Надобно видѣть степнаго дикаря на его родинѣ и на опасномъ пути, какъ теперь нашъ Бикей: онъ слѣдуетъ по «сухому океану», какъ называютъ эту степь Китайцы, руководимые счастливою и слѣпою догадкой; проходитъ огромныя пространства, гдѣ не проложено слѣду человѣческаго, и выводитъ васъ наконецъ, въ струнку, на желаемое урочище. И я не–шутя скажу, что Кайсакъ дѣлаетъ это по непонятному чувству, въ которомъ самъ онъ не въ состоянiи дать отчета, и которое можно сравнить только со способностью перелетныхъ птицъ. Отвезите Кайсака на край свѣта, въ страны, о которыхъ у него

нѣтъ ни малѣйшаго понятія, и пустите его тамъ, — онъ оборотится, какъ магнитная стрѣлка, которую ничѣмъ нельзя сбить съ толку, и пустится прямо на свою родину. Не только изъ западной и восточной Сибири часто уходятъ Кайсаки домой, но даже есть нѣсколько примѣровъ, что сосланные за преступленіе въ Архангельскъ, пролагали они себѣ новый путь отъ береговъ Ледовитаго Моря, черезъ безлюдныя тундры, пустынныя и мертвыя степи, на родной Яикъ; достигали, благополучно и почти не касаясь путемъ жилья людскаго, кровныхъ степей своихъ, доселѣ здравствуютъ и проживаютъ между своими, и похваляются дивными и едва вѣроятными похожденіями. Надобно посмотрѣть на Кайсака, когда онъ по пути завидитъ нѣчто живое, въ знойномъ, волнистомъ морѣ, искажающемъ для насъ всѣ предметы самымъ чудовищнымъ образомъ: вы едва только отличаете что–то и нѣчто, а онъ, приподнявшись на стременахъ и прикрывъ брови рукою, читаетъ какъ по книгѣ — столько–то

всадниковъ, налегкѣ вооруженныхъ, — они ѣдутъ на изморенныхъ коняхъ, — насъ увидали, — это не наши, — это Чиклинцы, Дюртъ–Каринцы, Джегалбайлинцы. Бикей, проговоривъ все это про себя, поворотилъ въ ту же минуту отъ нихъ въ право; помчался, и черезъ часъ настигъ своихъ Танинцевъ, которые стерегли спасенный ими скотъ и ожидали извѣстій изъ аула. Стоитъ только тронуть, задѣть и разшевелить Кайсака, и онъ вспыхнетъ яркимъ пламенемъ: Бикей былъ окруженъ вминуту сотнею молодцевъ, которые, будучи изъ числа самыхъ бойкихъ и смѣлыхъ, вооружились и приготовились, въ случаѣ крайности защищать свои стада и табуны. Бикей, не спрашивая ни о чемъ, не слушая ни кого, ругнулъ перваго встрѣчнаго, который сунулся было къ нему съ вопросомъ — *Ни хабаръ*? «что новаго, что дѣлается въ аулѣ»; ругнулъ и прочихъ молодцовъ, вправо и влѣво; распушилъ ихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и вызывалъ охотниковъ за собою. Взявъ не болѣе сотни человѣкъ, на–легкѣ, исправно

вооруженныхъ и снабженныхъ запасною, заводною, уже осѣдланною лошадью, онъ пустился въ погоню за непріятелемъ. Пересаживаясь до трехъ разъ съ коня на коня, наша дружина наконецъ открыла, съ вечернею зарею, слѣды грабителей; и до разсвѣту еще, слѣдуя по свѣжеизмятой, росистой травѣ и по тому именно направленію, куда трава ложилась, настигла безпорядочныя, беззаботныя кучки Чиклинцевъ, которые безпечно тянулись, почти гуськомъ, разсѣянными и раздробленными толпами. Конецъ концевъ легко предвидѣть: сотня Танинцевъ съ Бикеемъ нанесла мнимымъ побѣдителямъ своимъ гораздо большее пораженіе чѣмъ то, которое на–канунѣ претерпѣли отъ нихъ сами. Все летѣло, безъ толку, безъ ладу, безъ цѣли, стремглавъ; все спасалось бѣгствомъ, покидая добычу; не было ни сопротивленія, ни устою; Бикейцы едва успѣвали спихивать настигаемыхъ Чиклинцевъ копьями съ коней. Если и невозможно было отбить всѣхъ табуновъ, которыхъ часть угнана еще при самомъ

началѣ вчерашняго нападенія, по–крайней–мѣрѣ новый богатырь съ своими молодцами пригналъ въ аулъ значительную часть отбитыхъ имъ стадъ и табуновъ, и почти всѣхъ навьюченныхъ верблюдовъ, и покрылся въ лицѣ народа неувядаемою славою. Какъ мало нужно иногда для этого, и какъ мало такихъ, которыхъ и на это, малое, достаетъ! Но, въ то же время Бикей озлобилъ старшихъ братьевъ своихъ, которыхъ врожденное чувство самоохраненія удержало отъ всякихъ заносчивыхъ воинскихъ покушеній и предпріимчивый духъ удовольствовался наипоспѣшнѣйшимъ бѣгствомъ. Теперь Танинцы стали указывать на нихъ пальцами; вслухъ и въ очи пеняли на ихъ трусость и бездѣйствіе; безъ головы, говорили они, и руки и ноги не служатъ, а вамъ, предводителямъ и старшинамъ нашимъ, наслѣдникамъ престарѣлаго старшины, предстояла славная обязанность быть главою тысячи покорныхъ вамъ рукъ и ногъ и наказать Чиклинцевъ за дерзостное ихъ покушеніе. И это опять въ

порядкѣ вещей: трусъ бѣжитъ рядомъ съ трусомъ, или еще впереди его; но опасность миновалась, и онъ уже его презираетъ.

И при этомъ же самомъ набѣгѣ, передовая толпа Чиклинцевъ, жадная, оборванная, голодная, звѣрская, наткнулась на аулы союзныхъ съ Танинцами Баюлинцевъ, на отдѣленіе Маскаръ, то есть, на кочевую родину Мауляны. Конецъ одинъ; отвратительная картина одинакова; не стану говорить пространно и подробно, какъ и здѣсь опять алчная толпа грабителей подстерегла мирные аулы, и какъ свирѣпость людская не знала ни мѣры ни предѣловъ; не буду говорить, какъ и кто бѣжалъ, а кто и куда схоронился; скажу только, что торжествующіе грабители вели осьмнадцатилѣтнюю Мауляну въ числѣ одиннадцати молодыхъ плѣнницъ. Ей дали малорослаго, кривоногаго конька, взятаго въ ея аулѣ; ногъ не связывали, изъ особеннаго къ ней уваженія и милости; одинъ изъ двухъ услужливыхъ парней, которые ѣхали съ боковъ милой плѣнницы и взапуски забрасывали ее шутками и

прибаутками, вѣроятно, не совсѣмъ тонкими и скромными — одинъ держалъ въ рукѣ поводъ ея коня, другой, по другую сторону, чембуръ. Дѣвка сидѣла плотно, отшучивалась и отбранивалась, не оставаясь въ долгу; мазала ластившимся около нея стражамъ медомъ по губамъ, а сама держала ухо на чекѣ: она была коротко знакома съ уродливою клячей на которую ее посадили, и кляча, несмотря на уродливость и на распоротыя вилообразно ослиныя уши, была понадежнѣе иного пяти–вершковаго слона кирасирскаго полка. Смѣтивъ и улучивъ пригодный мигъ, она наклонилась впередъ, какъ–будто хотѣла поправить холку или уши лошаденки, и въ тотъ же мигъ скинула съ нея, черезъ голову, гладкую, плетеную изъ конскихъ черныхъ волосъ, уздечку; гикнула, круто повернула конька ногами въ сторону, прямо на одного изъ своихъ конвойныхъ, ринулась въ него во всю силу съ распростертыми руками, сшибла его съ лошади и ускакала; ускакала, въ виду сотни или болѣе хищниковъ, которые большею

частію на измученныхъ клячахъ, тщетно носились за нею, разсѣявшись и разметавшись по обширной степи. Она благополучно прилетела навстрѣчу къ Бикею, который, какъ достойный герой нашего разсказа, мчался еще по пятамъ грабителей, настигая и сбивая бѣгущихъ, отбивая скотъ и имущество земляковъ, единогласно признававшихъ его теперь первымъ батыремъ на цѣломъ пространствѣ между Яикомъ, Тоболомъ и Сыръ Дарьею, а можетъ–быть и цѣлаго свѣта.

Бикей и Мауляна возвратились со славою, при громогласныхъ кликахъ народа; его величали джигитомъ, батыремъ, султаномъ, наконецъ ханомъ; качали на рукахъ, при шумныхъ восклицаніяхъ радости, не обращая ни какого вниманія на отца, который, къ стыду своему, могъ завидовать кровному сыну, ни на злобныхъ братьевъ, которые въ это время произнесли, каждый порознь, клятву мести, — а Турокъ и Монголъ, которыхъ божба гроша не стоитъ, сами вы знаете, въ мести даромъ не клянутся.

=

V.

НОВАЯ ЧЕТА.

=

Колебаніе души и нерѣшимость, обыкновенно приписывается нравственной слабости человѣка; прибавлю еще, что свойства эти составляютъ также принадлежность нрава, утонченнаго образованіемъ нашего вѣка: только разсудительное, тонкошкурое твореніе, какъ человѣкъ образованный, можетъ думать, мѣрять и взвѣшивать тамъ, гдѣ сама природа порывается дѣйствовать. У дикаря, котораго умственныя способности болѣе или менѣе поотстали, первое сильное впечатлѣніе беретъ верхъ, и тогда — прощай благоразуміе и разсудительность, прощай и размышленіе и нерѣшимость! Вліяніямъ второстепеннымъ, постороннимъ нѣтъ мѣста; онъ дѣйствуетъ уже скоропостижно, вслѣдъ за сильнѣйшимъ толчкомъ, ударомъ, впечатлѣніемъ, и всегда болѣе

зависитъ отъ вліяній и двигателей внѣшнихъ чѣмъ отъ самаго себя.

Бикей, который невольно и самъ того не зная, подтверждалъ на–дѣлѣ истину нашихъ умозрительныхъ положеній, и тѣмъ болѣе, что былъ отъ природы надѣленъ бойкостью и быстротою духа, — Бикей, ознакомясь и слюбившись съ Мауляною, не думалъ, не гадалъ, не хилѣлъ и не болѣлъ цѣлые мѣсяцы по–пустому; не томилъ самъ себя бездѣйствіемъ и нерѣшимостію, а побывалъ однажды у Баюлинцевъ, завернулъ однажды въ аулы Маскаръ, толкнулся тамъ черезъ добрыхъ людей, которыхъ на это дѣло всюду много, къ старику Сатлы, отцу прекрасной Мауляны, и воротившись оттолѣ, пришелъ къ отцу объявить, что Байбактынецъ Тохтамышъ ему, Бикею, не тесть, а отцу его не зять; что пава многоцвѣтная, достойная украшать райскіе сады пророка, нынѣ прогуливается по ауламъ Маскарцевъ, — и просилъ отца послать переговорить со старикомъ Сатлы и готовить калымъ ему, а не Тохтамышу.

Исянгильди такъ же мало призадумался надъ отвѣтомъ, какъ сынъ его Бикей надъ запросомъ: калымъ былъ отчасти уже выплаченъ Тохтамышу. «Невѣста твоя, *Тангри біюрса,* коли Богъ велитъ, дочь его, Дамиля. На первый случай будетъ съ тебя и одной, а со временемъ, *иншаллахъ,* съ помощію Божіею, возьмешь и другую.»

«Не хочу я другой, не хочу иной, хочу Мауляну», говорилъ Бикей. Старикъ едва удостоилъ его въ отвѣтъ на это назвать взбалмошнымъ, сумасброднымъ, и болѣе ни въ какія разсужденія не пускался. Въ глазахъ его дѣло было кончено, и не стоило болѣе о пустякахъ этихъ толковать. Но не такъ думалъ Бикей: онъ зналъ отца, зналъ обычаи народа и потому, хотя также не тратилъ словъ по напрасну, а ухватился прямо и просто за дѣло. Такъ, братцы и сестрицы, Бикей нашъ распростился съ суженою своею, которая числилась, по выбору родителей, въ невѣстахъ его годика три; покинулъ ее и калымъ, выданный ей уже почти до половины; отыскалъ себѣ въ другомъ аулѣ, въ другомъ родѣ и племени,

невѣсту по душѣ и тестя по нраву. Кто зналъ Бикея искони, не узнавалъ его теперь: Бикей сталъ новымъ и инымъ человѣкомъ, — такъ полюбилъ онъ Мауляну и такъ былъ любимъ ею. Это не сказка, а быль. Изъ этого видите вы, что и тамъ, за Яикомъ, между созданіями, которыхъ, во многихъ отношеніяхъ, не рѣшаемся мы называть людьми, себѣ подобными тварями, прорывается иногда это влеченіе, это чувство, которое уноситъ человѣка далеко, далеко, выше всѣхъ извѣстныхъ намъ созвѣздій. «Иногда», сказалъ я, и именно не болѣе какъ «иногда», въ кои вѣки разъ; также точно, какъ и у насъ: вѣдь и у насъ также сотни людей, въ образѣ человѣка, живутъ, женятся и умираютъ, и — только. Не такъ ли?

Бикей женихъ; Бикей, вопреки волѣ родительской, покинулъ, говорю, первую невѣсту и калымъ, и выплатилъ самъ отъ себя сто барановъ, десять лошадей и трехъ верблюдовъ за Мауляну, задолжавшись калымомъ этимъ Уральскимъ Казакамъ. И

вотъ еще новая причина ко враждѣ и семейнымъ ссорамъ; новая здѣсь, въ разсказѣ моемъ, а въ свѣтѣ, да и въ другихъ разсказахъ, романахъ и повѣстяхъ, не новая: дѣти любятъ другъ друга, а старики не женятъ ихъ, ртачатся, привередничаютъ: это всегдашняя завязка.

Годъ прошелъ скоро, и Бикей женился. Принявъ молитву отъ полу–грамотнаго, бѣглаго Казанскаго Татарина, ушедшаго отъ рекрутской очереди въ степь и назвавшагося тамъ муллою, Бикей увезъ уже Мауляну въ свой аулъ, уже поставилъ на привольномъ скатѣ, на отборномъ мѣстѣ, новую кибитку, изъ бѣлыхъ кошмъ, на красныхъ *киряг а*, рѣшеткахъ, о двухъ стахъ сорока стрѣлахъ, и зажилъ съ молодою. Вы видите, что нашъ Бикей не измѣняетъ себѣ никогда и нигдѣ: онъ и здѣсь прихотничаетъ и щеголяетъ, какъ на все и всюду. Я помню, говорилъ мнѣ одинъ почтенный старожилъ нашего города, когда Бикей, вскорѣ послѣ свадьбы, пріѣхалъ въ Оренбургъ: на немъ были шитые золотомъ, малиноваго бархата, шаравары; помню

также когда онъ пожаловалъ, мѣсяца два спустя, въ алыхъ суконныхъ, и, на вопросъ любопытныхъ, куда дѣвались бархатные, золотошвейные, отвѣчалъ, махнувъ рукой: «Проспалъ; дѣвки украли да тюбетеи пошили. Пусть щеголяютъ, на здоровье!»

Мауляна была рождена для Бикея; ей все нравилось въ мужѣ, котораго, ни въ какомъ отношенiи, нельзя было ставить въ одну шеренгу съ прочими его земляками: онъ былъ не рядовой. Всѣ его прихоти и причуды, не исключая даже и бархатныхъ шараваръ, радовали, утѣшали ее, и были ей по вкусу; она умѣла оцѣнить Бикея, и истинно гордилась мужемъ необыкновеннымъ. Не хочу докучать читателямъ разсказами о подробностяхъ жизни жениха Бикея, жениха счастливаго; не хочу длинно разсказывать, какъ онъ, навѣщая невѣсту, каждый разъ снова пробирался между страхомъ и надеждой, по опасному, долгому, одинокому пути, каждый разъ снова выкупалъ невѣсту у старухъ, родственницъ ея, подарками, вымѣненными у Казаковъ, платками,

подвѣсками, лентами, стеклярусомъ, бусами; не стану пересказывать всего этого: довольно что онъ уже мужъ; привезъ Мауляну свою въ длинномъ, щегольскомъ поѣздѣ, подъ прикрытіемъ всѣхъ друзей и сотоварищей, богатырей и джигитовъ Заяицкихъ, привезъ въ Танинскіе аулы, и началъ жить да поживать домкомъ. Съ первымъ нарѣченнымъ тестемъ ссоры у нихъ не было ни какой; женихъ отсталъ, калымъ пропалъ, и старикъ сказалъ — спасибо за подарокъ. Но со своими онъ не ладилъ; вражда усилилась и ожесточилась. Бикей не переставалъ требовать калыма за сестру свою, отданную постыднымъ образомъ, какъ *кулъ*, или *кенизекъ*, какъ рабыню, между–тѣмъ какъ значительный калымъ, за нее слѣдовавшій, остался у старшихъ братьевъ, сыновей первой жены. Старикъ и братья спорили, возставали на него дружнымъ оплотомъ, и взаимная ненависть росла и укоренялась. Но вы захотите, быть–можетъ, если Мауляна полюбилась вамъ хоть въ десятую долю противъ моего, узнать кой–что объ ней, объ

ея жизни и молодости? Что жъ я вамъ скажу, кромѣ того, что она была дочь зажиточнаго Киргиза Сатлы, роду Баюлы, отдѣленія или поколѣнія Маскаръ; что была рослая и статная молодица, красавица и умница на всѣ аулы, лицемъ привѣтливѣе а умомъ смышленѣе, душой милѣе всѣхъ подругъ своихъ? Что сказать вамъ болѣе? И она, какъ всѣ ея землячки, бѣгала, до семи лѣтъ, нагишомъ, на жару и на стужѣ, въ ведро и въ ненастье; и она хоронилась при тридцати слишкомъ градусахъ степнаго морозу съ сѣвернымъ бураномъ, отъ котораго вся кибитка осиновымъ листомъ дрожала и нерѣдко цѣлыя кошмы и полсти срывало и уносило, цѣлые аулы замѣтало снѣгомъ, — и она, говорю, хоронилась подъ лахмотья, подъ груду шерсти, въ войлоки и кошмы, зарываясь въ горячую золу, когда огонекъ потухалъ среди кибитки; и она, дочь зажиточнаго, почетнаго Киргиза, плела, шила, скребла, вязала уздечки, ткала армячину, чинила платья и сбрую отца и братьевъ, выдѣлывала жеребячьи шкурки на яргаки и дахи, вымачивала въ

квашеномъ молокѣ, вялила, смазывала бараньимъ саломъ, коптила и выминала ихъ руками, — и дождь не промачивалъ даху ея работы; и она красила козловую замшу жеванной мареной — для чего обыкновенно Кайсаки дѣлаютъ помочь, собираютъ съ десятокъ народу и заставляютъ жевать корень этотъ во всѣ скулы, увѣряя, что толченый или крошеный не даетъ такой доброй краски; и она также вьючила верблюдовъ, ставила и снимала кибитки, сѣдлала и подводила отцу и братьямъ коней, — потому что все это обязанность и дѣло бабъ и дѣвокъ: мужчины холятся, валяются на кошмахъ и коврахъ, пьютъ кумызъ и спятъ; и она рядилась, при перекочевкѣ, въ лучшее свое платье, убиралась ожерельями и запястьями, выпрашивала у отца, у братьевъ, бойкаго скакуна, на которомъ, какъ говорится въ сказкахъ, заганивала тарпановъ, и мчалась вдоль и поперегъ шумнаго, многоголоснаго, обширнаго скопища, когда цѣлое огромное селеніе, цѣлый городъ, со всѣмъ имуществомъ и скарбомъ, съ хижинами и

съ жителями, былъ на ходу, когда скотъ и табуны, измореные за–зиму тебеневкой, подножнымъ кормомъ до костей въ переплетѣ, стали входить въ сокъ и силу, роскошно топтали мягкую, зеленую траву и, послушно слѣдуя голосу вожака и табунщика, опереживали огромные караваны вьючныхъ верблюдовъ, коровъ и лошадей, медленно и задумчиво ставившихъ копыта въ ступни другъ друга. Все это шло своимъ чередомъ, и Мауляна выросла, статная и пригожая, какъ сами вы видѣли. Но, скажете вы, можетъ–быть, придерживаясь любомудрія, этой такъ называемой потребности нашего вѣка, — но это все внѣшняя жизнь ея, тѣлесная: а духовная жизнь Мауляны? Объ ней ни слова. А почему?..... А потому, господа, что это и для меня загадка: что, спрашиваю, можно вывѣдать объ этомъ дѣлѣ на словахъ отъ степной дикарки? Какой она, или близкіе къ ней, дадутъ вамъ въ этомъ отчетъ? Да полно, поймутъ ли васъ и душесловный допросъ вашъ, поймутъ ли о чемъ вы толкуете, чего

хотите? Что въ ней была душа, въ Маулянѣ нашей, и душа страстная, дикая, необузданная, неразгаданная, — и всё таки душа; что она мыслила, чувствовала, тѣшилась и страдала, противуборствовала и отдавалась, въ этомъ, я по-крайней мѣрѣ, не сомнѣваюсь. И вотъ вамъ, для доказательства сказаннаго, между прочимъ, *улянъ*, то есть перепѣвъ Мауляны и подругъ ея, на одномъ изъ праздниковъ, съ молодыми ребятами. Дѣвки и парни садятся особыми кружками, однѣ поодаль отъ другихъ, — нерѣдко дѣвки внутри кибитки, а женихи снаружи, за рѣшеткой, — между-тѣмъ какъ полсть подымается, и обѣ стороны перепѣваются, отвѣчая другъ другу въ очередную четырехъ-стишіями. Импровизаторы, запѣвало и запѣвалиха, выказываютъ при этомъ всю свою остроту и витійство, а толпа тѣшится, слушаетъ, хохочетъ и повторяетъ тѣ изъ стиховъ, которые ей болѣе понравились.

Народная пѣсня Турецкихъ и Татарскихъ народовъ есть риѳмованное четырестишіе — не скажу, какого именно

размѣра, потому что народные барды довольствуются тѣмъ, что пѣсню ихъ можно пѣть, растягивая и скрадывая слоги гдѣ нужно, на извѣстный напѣвъ или голосъ. Образецъ всѣхъ здѣшнихъ размѣровъ есть Арабская поэма «Мухаммедіе», переложенная искусно на Турецкій языкъ. Сочинитель ея, сказываютъ, носился съ нею, какъ курица съ яичкомъ, и не зналъ куда дѣваться; никто ея не принималъ, не понималъ, и ни въ чемъ не было ему удачи; оказалось впослѣдствіи, что Аллахъ не давалъ ему талану за одно какое–то слово, неосторожно и не кстати въ поэмѣ употребленное: когда слово это, на закинутой несчастнымъ сочинителемъ копіи, случайно стерлось и исчезло, твореніе тотчасъ было оцѣнено по достоинству, пошло въ ходъ, и слыветъ доселѣ образцовымъ *. Ему подражаютъ въ размѣрѣ Татары и Киргизы; распѣвая «Мухаммедію», они приноравливаютъ къ ея

* Такъ здѣшніе Азіятцы объясняютъ себѣ равнодушіе непризнательныхъ современниковъ къ творенію, оцѣненному потомствомъ.

стоположенію и свои пѣсни, но дѣлаютъ это не всегда равно удачно. Въ пѣсняхъ ихъ смыслъ всегда оканчивается четвертымъ стихомъ; каждое четырестишіе составляетъ, такъ сказать, отдѣльную пѣсенку, и настоящія, народныя пѣсни, Киргизскія, Башкирскія и Татарскія, не бываютъ длиннѣе четырехъ стиховъ. Небольшое число старинныхъ, богатырскихъ пѣсенъ составляютъ исключеніе изъ этого правила. У Киргизовъ вообще весьма мало общепринятыхъ или постоянныхъ пѣсенъ: они поютъ обыкновенно наобумъ о томъ, что у нихъ въ глазахъ: постегивая нагайкой по тебенькамъ сѣдла, покачиваясь взадъ и впередъ, тянетъ Кайсакъ полчаса сряду плачевнымъ напѣвомъ — *тау, агачъ, ссу,* óðìàíú, òþýòо **есть, гора, дерево, вода, лѣсъ, верблюдъ, доколѣ ему не взбредетъ на умъ иной предметъ или другое слово. Но есть пѣвцы записные, пѣвцы наобумъ, безъ которыхъ и пиръ не живетъ: они являются всюду, гдѣ только рѣжутъ барановъ, сходятся въ кучу и пьютъ кумызъ; они также играютъ и на *кобызѣ*, на гудкѣ**

плотницкой отдѣлки, состоящемъ изъ корыта, или долбушки, снабженной двумя, тремя, изъ конскаго волоса, струнами; играютъ и на *домбрѣ*, небольшой, длинношеей балалайкѣ; а тѣ, которые понаострились на Линіи у Башкировъ, играютъ и на *чибызгѣ*, на дудкѣ, сопѣлкѣ, запасаясь каждый разъ, при всякомъ напѣвѣ, духомъ на цѣлую пѣсню, за отрывистымъ концемъ которой снова переводятъ дыханіе. Они воспѣваютъ на пирахъ того, кто ихъ кормитъ, поитъ и даритъ. Есть, какъ я упомянулъ, кромѣ этого, обычай, по которому на пирахъ, и особенно на свадьбахъ, поминкахъ, молодцы и молодицы состязаются по-очередно и нападаютъ другъ на друга, какъ у насъ подчасъ въ словесныхъ сшибкахъ въ гостиныхъ: это бываетъ иногда довольно потѣшно и забавно, хотя и длится долгонько — всю ночь на пролетъ до бѣлаго утра. Вотъ пѣсенка Мауляны съ подружками и отвѣты ея противниковъ, пѣсенка списанная Татариномъ-скорописчикомъ; напѣвъ такъ тихъ и

медлителенъ, что вовсе не трудно слѣдовать за пѣвцами и пѣвицами. Языкъ Татарскій такъ сжатъ, и самые слова такъ коротки и малосложны, что рѣшительно нѣтъ возможности переводить пѣсни ихъ въ мѣру, ограничиваясь тѣми же четырмя стопами: смыслу, складу пожертвовалъ я мѣрой и риѳмой.

ОНЪ.

Кто, праздничный пиръ встрѣчая, алымъ сукномъ не облекается?
Чье сердце, дѣвку завидѣвъ, алою кровью не загорается?
Не гляди на меня такъ: не то, увяжусь за тобою,
Въ тебѣ искать буду волю сгубленную, волю молодецкую!

ОНА.

И на проводы слезныя, видала я, красно убираются;
Алому цвѣту не вѣрь: цвѣтъ, самъ знаешь, дѣло обманчивое!
А какую ты вещь сгубилъ — волю молодецкую — я не вѣдаю;

Назови примѣты ея: да зачѣмъ зайдетъ она къ дѣвицамъ?

ОНЪ.

На Яикѣ рѣкѣ, на тихой водѣ, есть ятовья глубокія;
А зыбкая струйка его скорѣй алаго цвѣта обманетъ!
И въ очахъ твоихъ тоже: очи омуты глубокіе:
Не заглядывать было, не топить въ нихъ воли молодецкія!

ОНА.

Не разгадать намъ, дѣвкамъ Заяицкимъ, загадокъ твоихъ:
Назови ты вещь, коли потерялъ, назови примѣты ея;
Утопилъ говоришь, теперь, а сказывалъ давича потерялъ:
О, лукавы рѣчи твои! И нашелъ же гдѣ, у дѣвокъ, искать утопленниковъ!

ОНЪ.

Караганка–лиса и передъ волкомъ права живетъ:

Проведетъ кругомъ тебя, да грѣхъ на тебя же и свалитъ!
Такъ и вы, красныя, вы изворотливѣй Караганки–лисы:
Сами вы алый цвѣтъ, а наши, вишь, рѣчи лукавы!

Бикей и Мауляна проживали вмѣстѣ почти два года, не нуждаясь въ дружбѣ родичей и не слишкомъ замѣчая ихъ непріязнь и злобу. Бикей, не заботясь ни о чемъ, добылъ уже имя, вѣсъ и значеніе, не только въ своемъ аулѣ, но и во всемъ Танинскомъ родѣ; но, повторяю, никогда онъ не искалъ этого, и еще менѣе посягалъ на отцовское званіе и достоинство, въ чемъ братья старались всегда обвинить его передъ отцомъ, обрадовавшись, что нашли слабую струну въ старикѣ. Ужасное обвиненіе, сбыточность котораго была уже достаточна, чтобы возстановить отца на сына. Свобода собственная и разгульная, молодецкая жизнь, были единственною потребностью Бикея; но оскорбленное съ дѣтства чувство не переставало изливаться желчью на своихъ притѣснителей; а

постоянная дружба съ полинѣйными Уральцами и частыя его съ ними сношенія подавали всѣ средства врагамъ его, сводным братьямъ, поддерживать и подстрѣкать гнѣвъ и недовѣрчивость старика Исянгильдія, котораго легко было увѣрить, что Бикей — *Урусъ*, Русской, и добивается на Линіи почестей и могущества.

Мауляна была единственною его женою и единственною радостью. Въ этой четѣ столкнулось два человѣка, въ своемъ родѣ необыкновенныхъ; упрямая судьба одарила дикарей этихъ мозгомъ и сердцемъ, которые, при надлежащемъ развитіи понятій и способностей, можетъ–быть, украсили бы чело и грудь высокой четы; можетъ–быть Киръ, Александръ Великій, Кантъ, Гумбольдтъ, сгинули и пропали здѣсь, сколько окованный духъ ни порывался на просторъ. Я знаю, по–крайней–мѣрѣ, что *кушъ–юлы*, птичій путь, то есть, млечный, и *тѣмиръ–казыкъ*, желѣзный гвоздь, то есть, полярная звѣзда, вокругъ которой, по мнѣнію Кайсаковъ,

лошадь ходитъ на приколѣ, неразъ заставляли призадумываться Бикея такою думою, которая едва–ли когда освятила помышленія прочихъ земляковъ его. Чета эта понимала другъ друга: онъ гордился ею, охотно хвастался и показывалъ ее своимъ линѣйнымъ «кунакамъ», какъ вещь рѣдкую и дорогую; она была не только гораздо пригоже всѣхъ молодицъ своего аула, но и бойчѣе, осанистѣе, проворнѣе и гораздо умнѣе ихъ. Есть доселѣ много людей на Линіи и въ Оренбургѣ, которые видѣли и знали ее: вы услышите одно, и разноголосицы на счетъ Мауляны нѣтъ, — словно всѣ сговорились. Еще недавно смѣялся я внутренно, сидя вечеркомъ въ дружеской бесѣдѣ, гдѣ зашла рѣчь о Маулянѣ прекрасной: одинъ изъ самыхъ сухихъ, закоснѣлыхъ и угрюмыхъ брюзгачей нашихъ улыбнулся, осклабилъ уста и не могъ скрыть пробудившихся въ душѣ пріятныхъ воспоминаній: она поражала и озадачивала собою каждаго, съ кѣмъ ни сходилась и ни встрѣчалась: думаешь видѣть передъ собою милую

«окрутницу», по–вашему маску, которая ловко, удачно и искусно поддѣлалась подъ стать и ладъ дикарки, не покидая благородной, образованной осанки нашихъ барынь и дѣвицъ лучшаго круга.

Но Бикей былъ вѣчно тотъ же; онъ не умѣлъ, по–нашему, въ тиши, вдали отъ суетъ и притязанiй, лелѣять своего блаженства и вкушать его по каплѣ; не умѣлъ подладить подъ нравъ упрямаго, угрюмаго старика: онъ и теперь всё еще леталъ, по–прежнему, на скачки, на пиры, водился съ кафырами, и требовалъ по старой привычкѣ, наступя на горло, тамъ, гдѣ можно, гдѣ должно было или просить или молчать.

— Выдѣли меня! сказалъ онъ однажды отцу своему, будучи у него въ гостяхъ: выдѣли меня, батюшка; я уже не ребенокъ, хочу жить самъ по себѣ, своимъ умомъ и добромъ: коли ты умрешь, такъ братья меня разобидятъ въ пухъ; я же имъ не захочу спустить, не подарю ничего, — и быть бѣдѣ, сердце мое слышитъ! Выдѣли меня до грѣха; отдай мнѣ, что будетъ

моимъ, и я не стану болѣе считаться съ вами, ни тягаться; пусть братья дѣлаютъ, отъ чего отстать не могутъ: пусть натравливаютъ тебя, старика, на меня, а я стану молчать. Выдѣли только меня, батюшка, честно, правдиво, безобидно.

— А какой дѣлежъ, по–твоему, будетъ правдивъ и безобиденъ? спросилъ старикъ, сидя на землѣ, перекинувъ руку за руку на колѣняхъ и взглянувъ черными глазами своими, подернутыми притворнымъ спокойствіемъ, на стоящаго передъ нимъ сына.

— А вотъ какой: дай ты мнѣ всего скота поровну съ братьями, да прибавь еще что–нибудь за калымъ сестры, которую вы продали какъ барана, и дѣло кончено.

— Не только не будетъ тебѣ прибавки за сестру, отвѣчалъ старикъ, покачивая головою: но я, коли Богъ пособитъ, вычту еще съ тебя калымъ, который выплатилъ Тохтамышу за твою невѣсту: возьми ее, говорю я тебѣ, возьми ее къ себѣ, сорванецъ бѣшеный!

— Твоя воля браниться, отецъ, а я ея не беру; есть у меня жена, а покуда другой не хочу. И не поможетъ тебѣ Богъ на неправое дѣло: не призывай его. Не годится мнѣ, сыну, съ тобою считаться; бранились вы со мною годы, не хочу я браниться съ вами и годины. Слушай: если бы я взялъ за себя Дамилю, дочь Тохтамыша, ты бы не сталъ искать калыма на мнѣ, который за нее отдалъ: за что же теперь правишь его съ меня? Развѣ легче тебѣ будетъ, коли возьму за себя еще другую жену?

— Пусть не пропадаетъ даромъ добро мое, отвѣчалъ упрямый старикъ настоятельно: я заплатилъ за нее.....

— Дѣло твое неправое, батюшка; видитъ Аллахъ, неправое; и самъ ты видишь это, но..... Суди Богъ, какъ знаетъ; кромѣ его, намъ нѣтъ судьи. Слушай же: я съ тебя правлю калымъ за сестру, ты съ меня калымъ за невѣсту; верстай же калымъ за калымъ, пусть добро мое пропадаетъ, да выдѣли меня на ровнѣ съ братьями, и я снова Божій и твой.

— Нѣтъ тебѣ калыма за сестру, молвилъ суровый старикъ: моя она дочь, а не твоя; а выдѣлю я тебя съ учетомъ за весь калымъ невѣсты твоей Дамили, и живи, какъ знаешь.

Это огорчило вконецъ Бикея и раздражило его крайне. «Со старикомъ нечего дѣлать, подумалъ онъ: старикъ выжилъ изъ лѣтъ; онъ дряхлъ и глупъ, а всё–таки отецъ мой; но мнѣ отвѣтъ держать должны братья: они не ребята, и не старичишки, а знаютъ дѣло и понимаютъ его не хуже меня. А уступить имъ, я не уступлю: они и такъ уже, заживо, обокрали и отца и меня, выманили у него что ни есть лучшихъ скакуновъ то туда, то сюда, и я же остался у нихъ въ дуракахъ; а мнѣ имѣнье нужно, нужнѣе ихняго: я и такъ уже попромотался немного, да и не доплатилъ еще Уральцамъ половину займа, калымъ Мауляны; срокъ подходитъ, они *кунаки* и *дустляры* мои, гости и пріятели; да если я не сдѣлаюсь съ ними въ срокъ, такъ видно класть имъ будетъ послѣ по тринадцати барановъ на дюжину. Упрямый

старикъ! За то, что не хочу держать другой жены, что не хочу засватанной имъ невѣсты, правитъ онъ съ меня калымъ, будто не всё–одно ему, за ту ли, за эту ли онъ отдалъ добро свое: и не разсудитъ, что Мауляну я самъ засваталъ, самъ, за свое добро, а не онъ! А самъ онъ продалъ сестру что Калмычку, и молчитъ. И тѣ тоже, Богъ ихъ суди, притаились съ нимъ и залегли въ заплотъ, все на меня жъ! Такъ нѣтъ, онъ правъ, вишь а я виноватъ! Добро, всё это братья! *джяманъ–кишиляръ*, подлецы они; у меня рука на нихъ не подымется, а языкъ поворотится: буду смѣяться имъ въ глаза, буду дурачить ихъ при людяхъ; имъ стыдно станетъ, — и, авось, дадутъ они мнѣ покой!»

Прошло нѣсколько времени и Исянгильди назначилъ въ стадахъ и табунахъ своихъ участки сыновьямъ: изъ доли Бикея братья выбрали себѣ, съ согласія отца, любую сотню головъ крупнаго скота, и объявили ихъ своими. Столько, утверждали они, старикъ далъ калыму за первую невѣсту Бикея. И здѣсь

опять Бикей былъ обиженъ вдвойнѣ; во–первыхъ, несправедливо было взыскивать и вычитать калымъ этотъ съ него за то, что онъ не бралъ другой жены, а во–вторыхъ, Исянгильди никогда ста головъ не заплатилъ Тохтамышу, но почти въ четверо менѣе. Это былъ одинъ только предлогъ, чтобы обобрать и обдѣлить Бикея по мѣрѣ силъ и возможности. Но онъ и тутъ не вышелъ изъ себя и не измѣнилъ себѣ: «Берите, говорилъ онъ, смѣючись: берите, что хотите; будьте пастухами моими, я вамъ за это спасибо скажу. Берите и пасите; да только приглядывайте у меня за моимъ добромъ исправно: счетомъ взяли, счетомъ и отдадите!»

Бикей дѣйствительно въ полной мѣрѣ оставался вѣренъ слову своему, и дѣло слѣдовало его слову: когда онъ нуждался въ конѣ, когда хотѣлъ рѣзать барана, онъ приходилъ, какъ хозяинъ, въ стада братнія, бралъ въ зачетъ, что хотѣлъ, распоряжался какъ у своихъ пастуховъ, какъ дома, всегда успѣвалъ молодецкимъ обычаемъ, всегда дѣлалъ такіе набѣги удачно, хотя изъ

похвальбы и хвастовства, — а можетъ быть и по благоразумной предосторожности, — ходилъ на поискъ этотъ безъ оружія; ходилъ, какъ онъ говаривалъ, въ свои стада, къ своимъ пастухамъ. Такимъ образомъ Бикей, въ теченіе лѣта, отогналъ у братьевъ уже нѣсколько головъ разнаго скота; и братья, чувствуя неправость своего дѣла, которое всѣ сосѣдніе аулы, гласъ народа, давно уже порѣшили въ пользу Бикея, братья ссорились, бранились, грозили, просили на него шумными и нахальными рѣчами у отца, драли горло и только. Они пытались–было нѣсколько разъ пополнять свои убытки изъ стадъ и табуновъ Бикея, угоняли обратно у него, по кореннымъ степнымъ законамъ баранты, овецъ и лошадей; но скоро оставили этотъ напрасный трудъ. Бикей никогда не отражалъ ихъ силою, никогда не встрѣчалъ ихъ, какъ они надѣялись можетъ–быть, съ оружіемъ; словомъ, ни малѣйше не противился ихъ набѣгамъ и покушеніямъ. «Берите, говорилъ онъ: берите, что хотите; пасите, пасите, приглядывайте за добромъ

моимъ, а если прокормите скотину мою благополучно зиму, такъ я ее приму отъ васъ снова весною, и подарю еще, пожалуй, за пастьбу, сотую голову. Мнѣ же лучше: буду сидѣть въ зимнiе бураны спокойно съ хозяйкою своей въ *тирмэ,* въ кибиткѣ, не буду плестись и разъѣзжать худоконнымъ вершникомъ, на исхудавшей клячѣ, согнувшись горбомъ отъ стужи и бурану, въ тройномъ яргакѣ, да въ мохнатомъ тумакѣ, и сгонять хриплымъ голосомъ да ознобленною рукою разбитые зимнею вьюгою стада и табуны! Буду грѣться подъ крышей, у огня, буду отогрѣвать и пить замороженный въ прокъ кумызъ и грѣтую теплую воду *, да закусывать крутомъ; буду ѣсть копченые колбасы и кониные полотки..... а вы, пасите за меня скотъ мой: всё–равно мнѣ нанимать пастуховъ!»

Это обстоятельство поставило совсѣмъ въ тупикъ братьевъ Бикеевыхъ, нѣтъ суда и нѣтъ расправы на него, и нѣтъ средствъ ни

* Кайсаки, особенно почетные, степенные люди, никогда не пьютъ холодной воды, производя отъ нея множество болѣзней; котелокъ съ водою лѣто и зиму грѣютъ они на небольшомъ кизячномъ огонькѣ, и ихъ обыкновенное питье, если нѣтъ кумызу.

покорить ни наказать его; и сколько они ни стерегли его въ своихъ табунахъ, сколько ни старались поймать его на–мѣстѣ, все было безъ малѣйшаго успѣха. Онъ надъ ними только потѣшался: стращалъ и подсылалъ сказать, что пріѣдетъ въ темную полночь за расправою, — и братья вооружались, стерегли, разъѣзжали всю ночь на пролетъ: а онъ являлся среди бѣлаго дня, кидался на любова скакуна и улеталъ стрѣлою, прежде чѣмъ пастухи успѣвали повѣстить братьевъ о новомъ набѣгѣ и похищеніи!

Братья, составивъ съ отцомъ совѣтъ, рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству, — позвать *баксы*, Киргизскаго шамана; обѣщать ему лучшаго стригуна, жеребенка, если онъ откроетъ имъ средство, какъ наказать брата и воротить отъ него все свое добро.

Пусть читателей не удивляетъ этотъ языческій шаманъ, среди послѣдователей Ислама: я думаю они, читатели, припомнятъ, что и у насъ, и у всѣхъ не менѣе нашего просвѣщенныхъ народовъ,

процвѣтаютъ, во всемъ блескѣ своемъ, и ворожба, и заговоры, и колдовство, и гаданья, и всякая всячина, словомъ, то же самое шаманство……

Привезли баксы, верхомъ на быкѣ, въ носовой хрящъ котораго продѣтъ былъ арканъ, — экипажъ, на которомъ разъѣзжаютъ и не одни баксы, но вообще неимущіе, пастухи, и другіе. Баксы этотъ, съ обнаженною, черною грудью, съ худощавымъ, смуглымъ, судорожно истерзаннымъ лицомъ, съ черными косыми очами, съ длинной, черной, лоснящеюся косою, въ лохмотьяхъ съ ногъ до головы, былъ гаже и отвратительнѣе всего, что можно только постичь пятью чувствами. Глядя на него, обдавало васъ мурашками, какъ въ обществѣ безумнаго, или прокаженнаго, который напоминаетъ какъ–то собою непріятнымъ образомъ человѣка, но, въ сущности, есть тварь безсмысленная. Сближеніе это, для всякаго мыслящаго человѣка, тягостно, унизительно и больно. Баксы былъ и жалокъ и смѣшенъ, если хотите, но болѣе всего неизященъ и

отвратителенъ. Онъ началъ продѣлку свою тѣмъ, что велѣлъ отыскать въ аулѣ и привезти къ себѣ больнаго: этотъ бѣднякъ поплатился за все. Баксы мучилъ и терзалъ его неотступно; ему нужно было выгнать изъ хвораго Шайтана, чтобы съ нимъ потолковать вдвоемъ объ извѣстномъ дѣлѣ. Можно себѣ вообразить, что выйдетъ путное, доброе дѣло, изъ обоюднаго совѣщанія бѣснующагося воплощеннаго бѣса, съ Шайтаномъ, то есть, чортомъ!

Вся продѣлка баксы состоитъ въ томъ, что онъ садится, посреди кибитки, наземь, засучиваетъ рукава и начинаетъ медленно и спокойно пѣть, подыгрывая на кобзѣ и покачиваясь съ боку на бокъ. Мало–по–малу онъ входитъ въ восторгъ, реветъ громче и безтолковѣе, толстыя и короткія струны и смычекъ дико вторятъ его неистовому напѣву наконецъ, вышедъ изъ себя, вскочивъ, кривляясь и ломаясь ужаснымъ образомъ, онъ объявляетъ, что бѣсъ въ него влѣзъ: тогда вопрошаютъ его, объ чемъ нужно, и онъ, кусая себя зубами, между–тѣмъ какъ присутствующіе

вскакиваютъ и кричатъ — *Минымъ –куммъ*! моя рука!, чтобы онъ самъ себя не изувѣчилъ, царапаясь ногтями, заколачивая довольно грубымъ обманомъ ножъ или топоръ въ брюхо, и прочая, оканчиваетъ представленіе тѣмъ же какъ и началъ, — провожаетъ чорта на кобзѣ, и выпроводивъ его, опять дѣлается человѣкомъ.

Баксы кричалъ, и пѣлъ, и метался, и падалъ, и стегалъ самъ себя плетью, и приподымалъ больнаго зубами за поясъ, и ронялъ его на землю; ломался, пѣлъ, потомъ снова успокоился; усѣлся, началъ скрыпѣть смычкомъ по гудку, началъ сидя покачиваться туда и сюда, косить и подкатывать бѣльмы; вскочилъ снова, взревѣлъ туромъ, проржалъ жеребцомъ, и наконецъ поставилъ хвораго на четвереньки, грудью надъ глиняною плошкой, которая горѣла семью яркими огнями, и сталъ, заглушая крикомъ своимъ стоны больнаго, бить его по спинѣ нагайкою..... потомъ читалъ и пророчилъ по щелямъ и трещинамъ жженой бараньей лопатки, къ которой ножъ и зубъ не смѣли

прикоснуться; и опять ломался и бѣсновался. Не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы онъ самъ не оборвался наконецъ со стрѣлъ или съ круга кибитки, куда полѣзъ неизвѣстно за чѣмъ, и если бъ не упалъ въ бѣшенствѣ и изступленіи, на дымящіяся посреди кибитки головни: бумажный, стеганый, изодранный халатъ его вспыхнулъ, и шайтана нашего едва залили турсукомъ воды. Это приключеніе уняло, простудило и угомонило нѣсколько гаера: онъ успокоился и потребовалъ пить; ему подали чашу кумызу. Потъ съ него, съ лѣшаго, катился градомъ, вода бѣжала ручьемъ, корча все еще ломала и коробила его во всѣ стороны. Онъ свалился съ ногъ, пролежалъ немного, зажмурившись, въ безпамятствѣ и прокричалъ слѣдующій приговоръ: «Женѣ судья — мужъ; дочери — отецъ; возмужалому человѣку — старшій въ родѣ. Передъ судью долженъ явиться обвиняемый во всякое время; а непокорнаго судьѣ, Богъ велитъ навязать на хвостъ тарпану, и пустить на безводный, раскаленный Кызылъ–кумъ!»

Этимъ представленіе кончилось. Глядя на всю эту продѣлку, невольно вспомнилъ я шутовской эпилогъ одного фигляра, который, въ заключеніе коверканья своего, обратился къ почтенной публикѣ и прокричалъ, снявъ шапку и не запнувшись, съ возможнымъ иностраннымъ акцентомъ и произношеніемъ: «Севодени куда, а завтра лучи; а въ четверигъ большой карусель и я самъ на лошади!» Баксы выспался, наѣлся, напился, взялъ стригуна своего, и отправился верхомъ на томъ же самомъ быкѣ, на которомъ прибылъ.

Однажды, на разсвѣтѣ, — это было осенью, когда въ другихъ странахъ одна только вершина шатра небеснаго сквозитъ еще своею лазурью, а небосклонъ облегаютъ уже сѣрыя, сребристыя тучки, но когда въ Оренбургѣ и его степныхъ окрестностяхъ, свѣтлое, тихое и безоблачное небо стоитъ, до ноября и позже, неподвижно и величественно надъ безконечнымъ пространствомъ желтой, блеклой степи, и кой–гдѣ еще колышется уцѣлѣвшій кустъ стараго, сребристаго

ковыла, — на разсвѣтѣ такого дня, и именно 4 сентября 1831 года, прискакалъ одинъ изъ табунщиковъ старшихъ сыновъ Исянгильдіевыхъ, Джанъ–Кучюка или Кунакъ–Бая, съ извѣстіемъ, что Бикей опять пріѣхалъ хозяйничать въ косяки братніе. Поскакавшіе въ табунъ хозяева, нашли все въ своемъ порядкѣ; Бикея уже не было, а пастухи донесли, что онъ угналъ пару отборныхъ коней, и ускакалъ. Братья Бикея теперь приступили къ отцу и неотвязно требовали, чтобы онъ вызвалъ на судъ сына. Они собрали, на скорую руку, нѣсколько человѣкъ изъ единомышленниковъ своихъ въ кибитку старика Исянгильдія, увѣрили отца, что въ этомъ общемъ засѣданіи должно судить и осудить Бикея, и, перекричавъ всѣхъ, оглушивъ и самаго отца, поставили, какъ это обыкновенно водится у пріятелей нашихъ, Кайсаковъ, дѣло на своемъ. Они раздражили старика и вывели его изъ себя.

«Позвать его ко мнѣ!» заревѣлъ онъ, и глаза его искривились гнѣвомъ неукротимымъ, губы дрожали: «позвать

сейчасъ; я отецъ его, я старшій въ родѣ Тана, старшій въ поколѣніи Гасанъ; я глава семейства Янмурзы; я судья беззаконію его, я и каратель; и я ему докажу, что своеволіе его мнѣ надоѣло; докажу, что я ему судья, а не онъ мнѣ. Позвать сейчасъ!»

И гонецъ слеталъ уже въ аулъ Бикея, не оглядываясь, и привезъ отвѣтъ Исянгильдію: «Тебя послали братья мои, а не отецъ; отцу уже нѣтъ дѣла до ссоръ нашихъ: онъ выдѣлилъ насъ, по–своему, и отказался отъ правосудія. На зовъ отца я готовъ итти всегда; но тебя послали братья. Скажи имъ, братьямъ моимъ, что я наказовъ ихъ не слушаю; что званый къ нимъ не ѣду, а ѣзжу незваный; а ихъ прошу, коли хотятъ, пожаловать въ гости ко мнѣ во всякое время: саба моя полна кумызу, баранъ всегда найдется для гостей, и коверъ на подстилку.»

— Подайте его сюда! заревѣлъ бѣшеный старикъ вышедъ изъ себя, когда сыновья донесли ему слова Бикея по–своему. — Подайте его сюда, кричалъ онъ вскочивъ съ

кошмы покрытой ковромъ Персидскимъ, современнымъ Надыръ–шаху: подайте!

— Нейдетъ онъ, отвѣчали въ голосъ Джанъ–Кучюкъ и Кунакь–Бай, смѣется немощному, слабому старцу. Нейдетъ, и знать его не хочетъ!

— Живаго или мертваго подайте! гаркнулъ изступленный старикъ, и затрясся всѣмъ тѣломъ: я приказываю, чтобы онъ былъ здѣсь черезъ полчаса!

Вотъ слова, которыхъ жаждали, вѣроятно, уже нѣсколько лѣтъ сряду братья Бикея: и не успѣлъ еще выведенный изъ себя отецъ произнести страшныхъ угрозъ, какъ они были уже обращены въ наказъ и въ самое дѣло. Шестеро вооруженныхъ вершниковъ помчались во весь духъ по тому же направленію по которому первый гонецъ едва только возвратился.

Бикей собирался ѣхать на Линію, въ Калмыкову Крѣпость, и жена ему подводила коня, когда онъ, занесши уже ногу въ стремя, поднялъ голову и увидѣлъ всадниковъ. Предугадывалъ ли онъ

послѣдствія отказа своего и хотѣлъ избѣгнуть, на первый случай, встрѣчи, или случайно и ничего не замышляя собрался въ этотъ путь, — не знаю; но дѣло было такъ, какъ я разсказываю. Онъ мигомъ узналъ дорогихъ гостей, впереди которыхъ летѣли любезные братья, угадалъ по чеканамъ и по копьямъ, что они ѣдутъ не въ гости къ нему и впервые измѣнилъ себѣ и своему обычаю, впервые не нашелся; хладнокровіе его не устояло противъ этого новаго, стремительнаго раздраженія: онъ кинулся въ кибитку за оружіемъ.

Мауляна, покинувъ поводъ вѣрнаго коня, бросилась за мужемъ, и выкрутила силою изъ рукъ его винтовку, не внимая заклинаніямъ мужа, что онъ стрѣлять по братьямъ не станетъ, что даже ружье не заряжено, что онъ только въ острастку имъ беретъ *мултукъ* свой, чтобы никто не осмѣлился сунуться на него, что братья первые уйдутъ домой не оглядываясь, если увидятъ ружье въ рукахъ его. Несмотря на все это, она силою обезоружила его, вывела изъ кибитки, требовала, чтобы онъ сѣлъ,

невооруженный, на жеребца и ускакалъ, какъ намѣревался и прежде, на Линію.

Не–хотя и какъ–бы предчувствуя всю бѣду, повиновался онъ Маулянѣ, любимицѣ своей. «Садись, кричала она, садись и скачи», — и вынесла мужа почти нарукахъ изъ кибитки. Но, увы, покинутый ею въ испугѣ безъ надзора конь, на котораго была вся надежда, конь съ которымъ неудачи и быть не могло въ побѣгѣ, тряхнулъ гривою, почуявъ вольность, и ускакалъ.

Бикей вскочилъ на какую–то клячонку, которая стояла осѣдланная подлѣ сосѣдней кибитки и вѣроятно принадлежала какому–нибудь пріѣзжему гостю или пастуху; вскочилъ, и по первой выступкѣ кобылки позналъ моготу ея: ему и думать нельзя было уйти на ней отъ шести вершниковъ, которые уже доскакивали до аула, и онъ, будучи совершенно безоруженъ и теперь такъ близокъ къ опасности, снова нашелся и успокоился. Онъ повернулъ въ ту жъ минуту навстрѣчу погонѣ, и подъѣхалъ шагомъ къ дикому звѣрю, котораго, какъ говорилъ я прежде, сама природа запятнала

недвусмысленною печатью, присудивъ Бикею называть его *карандашъ*, одноутробнымъ. Бикей принялъ спокойный видъ, произнесъ всегдашнее привѣтствіе — *салямъ–алейкюмъ;* и получилъ въ отвѣтъ, вмѣсто обычнаго *алейкюмю' съ–салямъ*, градъ ругательныхъ словъ, въ которыхъ Татарскіе народы едва–ли не перещеголяли насъ, Русскихъ, и которыхъ я повторять здѣсь не намѣренъ, а потомъ, объявленіе слѣдовать за ними, если не хочетъ, чтобы надъ нимъ былъ исполненъ смертный приговоръ отцовскій.

— Я ѣду сегодня въ другое мѣсто, отвѣчалъ Бикей твердо и спокойно, и съ вами ѣхать мнѣ не по пути; а какъ вы, кажется, отправляетесь куда–нибудь на разбой, то я мѣшать вамъ не стану. Прощайте!

И за словомъ онъ поворотилъ коня, и поѣхалъ, шагомъ, своимъ путемъ.

Старшій братъ, Джанъ–Кучюкъ, не далъ ему отъѣхать пяти шаговъ, какъ, налетѣвъ на него сзади, разсѣкъ ему тяжелымъ чеканомъ черепъ. Бикей зашатался,

припалъ, обезпамятѣвъ, на переднюю луку, замоталъ обѣ руки въ гриву, и уже болѣе лица не подымалъ. Невѣрный конь равнодушно продолжалъ путь шагомъ. Всадникъ его былъ убитъ, или добитъ, обоими братьями, и снятъ уже мертвый съ сѣдла. Остывшіе, судорожно сомкнутые пальцы, насилу были выпутаны изъ косматой гривы клячонки.

=

VI.

ВДОВИЦА.

=

Не стоило бы начинать уже новой главы: повѣсть моя, какъ сами видите, вся, или почти вся, а что остается досказать, то можно бы пришить къ предыдущему; но, описавъ братоубійство, я отдѣлилъ толстою чертою писанное отъ оставшагося внизу пробѣла и кинулъ перо. А нынѣ, когда я пробѣжалъ снова давно набросанный разсказъ съ тѣмъ чтобы предать его тисненію, наткнулся я на эту длинную и

толстую черту, — Бикеевъ огромный мавзолей: не хочется тревожить памяти и праха убитаго разореніемъ этого памятника сооруженнаго отъ избытка чувствъ; невольно перевертываю листъ и начинаю въ новую строку.

Бикей былъ убитъ; месть и жажда крови братьевъ изверговъ утолена; онъ лежалъ передъ ними бездыханный и алая кровь его запеклась на желтой, солнцемъ сожженой травѣ. Весь аулъ сбѣжался; старъ и малъ подняли крикъ и вой ужасный, всѣ кричали о мести, кричали — кровь за кровь; тревога поднялась и разлилась во всѣ стороны. И когда убійцы поспѣшно взвалили трупъ Бикеевъ на коня и помчались съ нимъ безъ оглядки въ аулъ Исянгильдія, шумная, безтолковая толпа съ угрозами и проклятіями скакала вслѣдъ за ними вплоть до самой кибитки старшинской.

И на пути неожиданное появленіе значительной конной толпы встревожило всѣ аулы; и, послышавъ крикъ — *Бикей ульганъ!* Бикей убитъ!, старъ и малъ завывали страшными голосами и всплеснувъ

руками, приставали къ поѣзду. Исянгильди, на крикъ приближенныхъ своихъ — Ѣдутъ! ѣдутъ! вышелъ изъ кибитки въ сердцахъ, готовый встрѣтить гнѣвно, строго и сурово, непокорнаго, но кипящаго жизнію, сына, и встрѣтилъ его тихимъ, покорнымъ и покойнымъ..... Какая разительная противуположность, — живой человѣкъ и мертвый!

Лицо Исянгильдія мгновенно измѣнилось такъ, что всѣ предстоящіе, взглянувъ на него, замолкли: казалось и здѣсь, въ чертахъ отцовскихъ, совершился переходъ отъ жизни къ смерти. Исянгильди прошепталъ что–то, сложивъ руки, какъ привыкъ ихъ складывать ежедневно при *намазѣ*, или молитвѣ; наклонилъ голову, дрожащими пальцами коснулся бороды своей, — и все вокругъ затихло; шумная, дикая, голосистая толпа умолкла. Отецъ убилъ сына, братъ брата: казалось, это могло заставить опомниться и призадуматься и Заяицкаго степнаго волка, называемаго у насъ Киргизъ–Кайсакомъ. Это выходило изъ круга дѣлъ

обыкновенныхъ, и мохнатые зрители походили сами на невыѣзженныхъ, дикихъ коней своихъ, которые храпѣли, когда проволокли по землѣ мимо ихъ трупъ убитаго; прядя ушами и выкативъ бѣльма, боязливо переступали съ ноги на ногу, попрашивали поводьевъ и оглядывались другъ на друга.

Старикъ этого не ожидалъ. Опамятовавшись, спросилъ онъ, кто смѣлъ убить сына его. Убійцы громко и какъ–бы съ укоромъ отвѣчали ему: «Ты его убилъ, не мы; ты самъ. Мы исполнители твоей воли!»

Исянгильди замолкъ опять, глядя на трупъ сына. Онъ сложилъ опущенныя руки, и, покачивая головою, повторилъ два раза: — *Минъ уны ультердымъ!* «Я убилъ его!», вынулъ изъ за пояса ножъ, сдѣлалъ имъ разрѣзъ на обнаженной груди сыновняго трупа, омакнулъ палецъ въ простывшую уже кровь и коснулся имъ устъ своихъ: «Лишаясь одного сына, я долженъ спасти остальныхъ. Такъ, я его убилъ; на мнѣ кровь его, на мнѣ и отвѣтъ за

кровь». Потомъ онъ горько зарыдалъ, закрылъ лице руками, удалился въ *тирме,* въ теремъ свой, и не велѣлъ пускать къ себѣ убійцъ. Дѣло было сдѣлано, пособить было не чѣмъ, и старикъ, зная строгость нашихъ законовъ и, обратившійся въ неизмѣнный законъ, обычай кровомести своихъ земляковъ, предпочелъ взвалить на себя все бремя отвѣтственности, чтобы спасти, если можно, остальныхъ сыновъ.

Исянгильди поспѣшно откочевалъ подальше отъ нашей Линіи, и наряженное слѣдствіе не принесло ни какихъ результатовъ. Происшествіе это теперь, повидимому, заснуло въ памяти причастныхъ къ нему съ той и съ другой стороны; но, это искры тлѣющія подъ легкимъ пепломъ. Стоитъ только пахнуть вѣтру, — и пламя вспыхнетъ и разгорится; а въ Заяицкой степи, богатой буранами, за этимъ едва–ли станетъ дѣло. Здѣсь каждая драка, каждая ссора, тѣмъ болѣе убійство, влекутъ необходимо за собою цѣлый поѣздъ подобныхъ явленій. Такъ, вражда Бикея съ братьями и съ отцемъ теперь

расплодилась и размножилась до безконечности; враждующіе объявили другъ на друга разныя притязанія, и можно, не будучи пророкомъ, ожидать, что, скоро или поздно, каша снова заварится и будетъ стоить, можетъ–быть, не одной батырской головы. Месть за кровь убитаго, есть добродѣтель, такъ свято чтимая въ степи, что доселѣ не было еще, какъ говорятъ, примѣра, гдѣ бы наслѣдники и родичи убитаго забывали выместить, хоть бы въ десятомъ поколѣніи, поносную смерть пращура.

Теперь я долженъ приступить еще къ расказу одного обстоятельства, трогательнаго и истиннаго, относительно вдовы Бикея, милой и прекрасной Мауляны.

Плано–Карпини, ѣздившій въ 1246 году, по приказанію папы, черезъ Россію къ Татарамъ и Монголамъ и благополучно возвратившійся отъ нихъ во–свояси, говоритъ, между прочимъ, въ достойномъ любопытства путешествіи, написанномъ по Латынѣ, что у этихъ народовъ ведется

обычай, по которому каждая вдова обязана выйти за брата или ближайшаго родственника умершаго. Здѣсь мы усматриваемъ, какъ древни бываютъ иногда народные обычаи: почти шесть столѣтій протекло, и нынче у Киргизовъ — то же. Жена есть вещь, купленная мужемъ; она принадлежитъ ближайшему по немъ по той линіи, отъ которой былъ выданъ калымъ, то есть, восходящей, или боковой, отцевской, но отнюдь не по нисходящей, такъ, что мать, по смерти мужа своего, никогда не можетъ достаться въ удѣлъ сыну, а принадлежитъ боковымъ родственникамъ отца, братьямъ, дядямъ его и прочая. И Мауляна, лишась мужа, доставалась въ удѣлъ..... убійцѣ его, старшему брату, Джанъ Кучюку, который, помнится, присватывался за нею еще въ ея дѣвствѣ и никогда не могъ простить счастливому сопернику оказаннаго ему преимущества. Такъ вотъ еще новая пружина, новая махина! Какъ было непосягнуть Джанъ Кучюку на жизнь ненавистнаго брата, если, сверхъ всего, подвигъ его долженъ былъ

еще увѣнчаться такою наградой! Погубить соперника, уничтожить, стоптать въ прахъ противника и врага, — брата онъ въ немъ не знавалъ и не видѣлъ — быть въ то же время наслѣдникомъ его достоянія, силы и власти, и наконецъ утолить жажду мщенія отверженной съ презрѣніемъ любви, обнять насильственно гордую, заносчивую, насмѣшливую и все–таки прекрасную Мауляну, — это соблазнило бы и не одного Джанъ Кучюка, который не умѣлъ отдавать себѣ и другимъ ни какого отчета въ своихъ поступкахъ, а дѣйствовалъ, какъ руки и ноги подымались, какъ дѣйствуетъ волкъ и коршунъ.

Въ какомъ положеніи была бѣдная Мауляна, послѣ убійства мужа, этого, во–истину, выразить словами нельзя. Мнѣ говорилъ объ этомъ ея близкій родственникъ, прискакавшій къ ней на помощь изъ дальнаго аула, въ ночь по совершеніи злодѣянія. Отчаяніе въ груди и умѣ дикарки не знаетъ ни какой мѣры. Но каково было потомъ еще ея положеніе, когда, на третій день послѣ убійства, Джанъ

Кучюкъ пріѣхалъ объявить ей, что она теперь его *джасыръ*, и будетъ его четвертою женою! Она едва не зарѣзала его большимъ Кабульскимъ ножемъ, въ бирюзовой оправѣ, съ череномъ изъ рогу носорога, и Джанъ Кучюкъ бѣжалъ отъ изступленной, не только по всему аулу, — бѣжалъ отъ нее верхомъ, и степью, и палъ бы, можетъ–быть, подъ обоюдо острымъ каратабаномъ, если бъ своякъ ея, султанъ Кусябъ, не кинулся за нею въ погоню и не отнялъ у ней ханджара. Султанъ привелъ ее, лишенную ума и памяти, домой, и несчастная провела ужасную ночь, въ злѣйшей горячкѣ. Все утро она проплакала, рыдала горько и неутѣшно во весь день, не брала ни крохи ни капли въ ротъ, и къ вечеру спокойно уснула. Утромъ, на расвѣтѣ, спохватились, — Мауляны нѣтъ. Кидались туда, сюда, по цѣлому аулу и по сосѣднимъ — Мауляны нѣтъ, и слуху объ ней ни какого. Немогли ничего придумать, куда она дѣвалась, если не кинулась, въ безпамятствѣ, въ Яикъ, какъ около полудня узнали отъ пикетныхъ, отъ

сторожевыхъ Уральскихъ Казаковъ, занимающихъ передовую цѣпь по лѣвому берегу рѣки, что Киргизка, на расвѣтѣ, промчалась мимо, о треконь, и что Казаки, окликнувъ ее, не могли догнать. Мауляна ушла ночью изъ аула, поймала тройку удалыхъ коней мужниныхъ, сѣла и, не переводя духу, прискакала въ Уральскъ, гдѣ явилась къ атаману, прилетѣвъ прямикомъ къ нему во дворъ. — Не скажу я, сколько верстъ проскакала Мауляна въ какихъ–нибудь двадцать часовъ, пересаживаясь съ коня на коня, между–тѣмъ какъ порожнихъ лошадей мчала, во весь духъ, въ поводу, а загнаныхъ покидала; не скажу длятого, что степь дорога не мѣряная; а если бы я повторилъ только общую молву объ этомъ, безъ всякаго сомнѣнія назвали бы вѣсть мою преувеличеннымъ, не заслуживающимъ никакого вѣроятія, пустословіемъ. Скажу только, что Калмыкова Крѣпость отстоитъ отъ Уральска на двѣсти семьдесятъ верстъ; что верстъ полтораста въ сутки дѣлаетъ двуконный исправный Киргизъ легко; а

сколько, въ двадцать часовъ, можно выскакать на трехъ перемѣнныхъ, добрыхъ скакунахъ, если станетъ силъ ѣздока, это досужіе читатели расчитаютъ и безъ меня; и тогда, пусть пеняютъ не на меня, если выйдетъ — очень много.

Атаманъ препроводилъ искавшую убѣжища, убитую судьбою, красавицу къ главному начальнику въ Оренбургъ. Смѣло и величественно вступила она въ переднюю залу, и чрезвычайно поразила находившихся тамъ своею осанкою, красотою, смѣлою и величавою поступью и неожиданнымъ появленіемъ. Не менѣе того былъ изумленъ и самъ начальникъ. Она говорила, что пріѣхала искать его защиты, потому что у нея нѣтъ — въ цѣломъ мірѣ нѣтъ благонадежнаго убѣжища. «Я пріѣхала, продолжала она спокойно и твердо, просить начальническаго позволенія зарѣзать изъ рукъ своихъ Джанъ–Кучюка, убійцу мужа моего.» Просьбу эту повторяла она нѣсколько разъ съ такимъ прямодушіемъ и такъ настоятельно, что стоило большаго труда вразумить ее и

отклонить отъ подобнаго предпріятія. Долго думала она, что графъ не понимаетъ ея просьбы и что переводчикъ виноватъ недоразумѣнію. Наконецъ, когда дѣло объяснилось для ней надлежащимъ образомъ, она объявила рѣшительно, что, по–крайней–мѣрѣ, не переступитъ обратно порога, доколѣ не получитъ великаго слова намѣстника Царскаго, что она будетъ жить спокойно въ аулѣ отцовскомъ, и не будетъ выдана убійцѣ мужа. «*Ни файда?* Что пользы въ этомъ, говорила она, выразительнымъ, трогательнымъ голосомъ: что пользы, когда выдадутъ меня ему? Я его зарѣжу, въ первую же ночь и.... назовите мнѣ хоть одну душу въ мірѣ, которой бы отъ этого было легче?»

Мауляна была доставлена, подъ вѣрнымъ прикрытіемъ, въ аулъ отца своего, Киргиза Сатлы, рода Баюлы, отдѣленія Маскаръ. Джанъ Кучюку намѣкнули, чтобы онъ искалъ себѣ другой невѣсты, ежели имѣетъ надобность въ четвертой женѣ. Мужнее имущество возвращено Маулянѣ безъ замедлѣнія, хотя и при этомъ опять

произошло новое злоупотребленіе со стороны виноватыхъ, какъ мы видѣли это выше.

На этомъ я бы могъ кончить; но я не могу и не хочу утаить окончательной доли милой Мауляны, потому что я пишу быль.

У меня есть въ Оренбургѣ товарищъ, знакомецъ, близкій человѣкъ, котораго я крайне люблю и уважаю: онъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ большею частію называютъ чудаками, и это подѣломъ, которые всегда пекутся только о благѣ и добрѣ чужомъ, а сами вѣчно не при чемъ, кричатъ и надрываются, если честный человѣкъ, который взялъ мѣсто длятого, чтобы оно его кормило, — если этотъ честный человѣкъ, изъ скуднаго жалованья, высиживаетъ небольшіе каменные домишки, да кой–какіе векселишки; словомъ онъ изъ тѣхъ, которые, когда удастся имъ гдѣ лечь на сѣно, сами его не ѣдятъ и другимъ не даютъ. Онъ все дѣлаетъ по–своему: люди ѣздятъ по Линіи, по большой, битой дорогѣ, да водятъ за собою цѣлый поѣздъ конвойныхъ, а онъ — всю степь насквозь,

вдоль и поперегъ, прошелъ одинъ, припѣвая: «А и первый товарищъ мой, добрый конь, а другой мой товарищъ калена стрѣла……» Онъ много занимается, читаетъ, особенно путешествія, и любитъ быть вѣчно въ разгонѣ, — чѣмъ дальше и глубже въ новую и неизвѣстную ему доселѣ страну, тѣмъ лучше. Онъ выучился Азіатскимъ языкамъ, знается и братается со всѣми нехристями, такъ, что мы его зовемъ Татариномъ, хотя мусульмане иногда еще его бранятъ — *кяфыромъ*. Я слышалъ самъ, какъ Русскіе называли его, за глаза, Полякомъ, и слышалъ какъ Поляки честили его Москалемъ. Какъ тутъ быть? Чему вѣрить, чего держаться? Я полагаю, что онъ долженъ быть — какъ бишь зовется земля, гдѣ эти люди родятся?……

Этотъ человѣкъ, когда бываетъ въ степи, обыкновенно брѣетъ голову, отрасчиваетъ бороду и слыветъ за–урядъ Киргизомъ или по–крайней–мѣрѣ Татариномъ. Однажды, на одной изъ такихъ поѣздокъ, въ глубинѣ степи,

присталъ онъ, среди знойнаго, огненнаго лѣта, къ Киргизскому аулу, расположенному на скатѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ, на одномъ изъ отдѣльныхъ холмовъ не совсѣмъ рѣдкое въ степи зрѣлище: несчастный дикарь, сынъ пустыни и разгульной воли, пораженный бичемъ дикаго человѣчества, — оспою, былъ покинутъ всѣми и оставленъ безъ крова, безъ пищи, безъ защиты, на произволъ судьбы. Все бѣжитъ отъ этого ужаснаго бѣдствія, котораго боятся въ степи, какъ только можемъ мы бояться чумы, самой ужасной, самой лютой; все покидаетъ бѣдствующаго, и онъ гибнетъ обыкновенно безъ всякой помощи и призрѣнія. Рѣдко, очень рѣдко, найдете вы сострадательную мать, которая бы рѣшилась подать изнемогающему, сгорающему жаждою дитяти, чашу воды; рѣдкое исключеніе изъ общаго правила — предоставлять зараженныхъ вовсе самимъ себѣ. Таковы слѣдствія фатализма, вѣры въ неизбѣжность рока. Вблизи Линіи Кайсаки прибѣгаютъ къ помощи казаковъ: эти

берутъ и иногда вылечиваютъ, какъ они говорятъ, зараженныхъ; то есть, не страшась оспы, ходятъ они около больнаго, и, если Богъ милостивъ, этотъ встаетъ; въ степи напротивъ, онъ всегда гибнетъ уже отъ одного недостатка въ питьѣ и пищѣ.

Такъ пріятель мой подошелъ по врожденной страсти своей хлопотать всегда о другихъ; подошелъ, чтобы подать бѣдствующей, — это была женщина, — чашу воды. Казалось, это было лишнее: она сгорала уже огнемъ горячки и сострадательный хожалый услышалъ только невнятныя слова, произнесенныя въ безпамятствѣ: *Уой бой Бикей, сынъ мины ташламасъ идынъ!* «О, Бикей, ты бы меня не покинулъ....» Какой Бикей? спросилъ, нетерпѣливо, недовѣрчивый путникъ, какъ-будто подозрѣвалъ уже и здѣсь опять какой-нибудь обманъ или подлогъ: какой Бикей? какъ зовутъ больную?....

— Мауляна, отвѣчали ему: это вдова убитаго Бикея.

Она дѣйствительно умерла отъ оспы, лѣтомъ 1832, менѣе года спустя послѣ

убійства мужа, на двадцать второмъ году отъ рожденія. У меня въ рукахъ теперь *бейтъ,* стихи, «Плачъ Мауляны по мужѣ», которые пѣла она и помнила наизустъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по его смерти. Многіе Кайсаки знаютъ стихи эти и теперь наизустъ, султанъ Кусябъ, по дружбѣ своей, ихъ мнѣ доставилъ. Въ нихъ есть весьма хорошія мѣста; цѣлое походитъ на безпорядочную рапсодію и разительно изображаетъ горестное, отчаянное положеніе покинутой. Можетъ–быть я ихъ современемъ переведу.

КАЗАКЪ ВЛАДИМІРЪ ЛУГАНСКІЙ.